

ЛИЗАВЕТИНА ЗАГАДКА

Сергей и Дина
Волсини

Современная русская проза

Сергей и Дина Волсини

Лизаветина загадка (сборник)

«Волсини Сергей Николаевич»

2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-44

Волсини С.

Лизаветина загадка (сборник) / С. Волсини — «Волсини Сергей Николаевич», 2017 — (Современная русская проза)

ISBN 978-5-00037-002-5

Пять новелл, пять мужских историй о любви. Чиновник в бегах, бизнесмен-ловелас, студент-боксер, муж, вынужденный терпеть интрижку молодой жены, 60-летний олигарх, у которого есть все, но нет желания жить – авторы мастерски исследуют мотивы поступков своих героев, каждый из которых ищет в женщинах что-то свое и по-своему понимает любовь. В новелле «Лизаветина загадка», давшей название сборнику, история главного героя подтверждает старую истину – за успехом мужчины всегда стоит любовь женщины.

УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-00037-002-5

© Волсини С., 2017
© Волсини Сергей Николаевич, 2017

Содержание

Луиджи	6
Знатор человеческих душ	27
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Сергей и Дина Волсини

Лизаветина загадка

© Сергей и Дина Волсини, 2017

©Иллюстрация на обложке Игорь Панкин, 2017

©Дизайн обложки Андрей Бехтерев, 2017

* * *

Луиджи

В Табские Высоты мы приехали за неделю до открытия сезона. Курорту пришлось многое пережить, смена власти и гражданская война заметно сократили число туристов, и если в знаменитый Шарм-эль-Шейх все еще ездили с прежним постоянством, то Табу, стоявшую примерно в двухстах километрах, вниманием не баловали. Из-за тревожных происшествий местный аэропорт то и дело закрывали, и добираться сюда приходилось из Шарм-эль-Шейха на машине, а это больше трех часов езды по пустыне. Мало кого прельщало подобное путешествие – дикие скалы да военные с автоматами в руках настроения путешественникам не прибавляли. Прошел не один год, прежде чем интерес к курорту стал снова возрождаться. Отелям пришлось пойти на небывалое снижение цен, чтобы вновь заманить к себе туристов. И вот к середине февраля все было готово к началу нового сезона. Грандиозные Мирамары и Софители, Мариотты и Мовенпики, Хилтоны и Хайяты вытянулись в ряд в ожидании своих гостей. Никаких барьеров между отелями не возводили – каменистый садик у Софителя переходил в длинную ровную аллею Мариотта, обсаженную в честь сделавших пожертвования постояльцев, о чем рассказывали таблички с именами у каждого куста, потом шли постриженные газоны Интерконтинентала, и так далее, и так далее. Прогуливаться здесь было сплошное удовольствие. По утрам по аллее совершали пробежки, вечерами гуляли под луной. Так же обстояло дело и с пляжем – прибрежная линия нигде не прерывалась, и пляжи отелей перетекали один в другой, ничем не отличаясь друг от друга, на всех стояли крепкие зонты из прутьев и, что особенно полюбилось туристам, ограждения, надежно укрывавшие от ветра. Сезон ветров подходил к концу, и хотя в воздухе еще взвизгивали колючие резкие вихри, погода день ото дня налаживалась, становилось мягче и теплей, казалось, даже вода в заливе вот-вот начнет прогреваться. Купались с пирса. Изумрудные волны поражали прозрачностью, насквозь виднелось дно и стаи цветастых рыбин. Всюду шли последние приготовления: вкручивали лампочки, красили изгороди, выкорчевывали сорняки, просеивали на пляже песок. Глаз радовался, глядя на то, как курорт расцветает и возвращается к жизни.

Пейзаж напротив менялся в зависимости от времени суток. Днем казалось, что за заливом нет ничего, кроме синего горизонта, но только солнце начинало клониться к закату, на той стороне проступали очертания гор. В заходящих лучах они розовели, пламенели, потом остывали под осевшим солнцем, чернели сумрачно и неприглядно, а потом вдруг вспыхивали веселыми дорожками желтых фонарей, и тогда становилось понятно, что на том берегу – жизнь. Прямо напротив нас лежала Саудовская Аравия. На горе была выведена священная для всех мусульман фраза «нет бога кроме бога», и в ясную погоду ее можно было прочесть даже отсюда. Левее от нас стоял израильский Элат, рядом иорданская Акаба. Такая кучность портов, культур и исторических наследий, сошедшихся в одной точке, и восхищала, и будоражила нервы. Как ни крути, обстановка вокруг была суровая; стоило только выйти за пределы курортной зоны, как взгляду открывалась безлюдная гористая местность, за голыми валунами нет-нет да мелькнет какая-то черная фигура, и не знаешь, то ли это местный житель возвращается домой в невидимое отсюда поселение, то ли это скрываются в горах бандиты. От гор так и веяло опасностью, тут волей-неволей вспомнишь о том, что здешние народы веками жили в состоянии войны. А горы здесь были повсюду; если смотреть на отели с моря, то самые высокие из них, и те, даже наполовину не дотягивали до махины, что высоченной глыбой вплотную подпирала курорт, в номерах с так называемым видом на горы она закрывала собой небо, и из окна нельзя было увидеть ничего, кроме встававшей прямо перед глазами угрюмой коричневой стены.

Наш Софитель, построенный из розового туфа, казался мне самым удачным среди всех отелей. Песчано-розовый, аккуратный, с округлым центральным корпусом, увенчанным розовой же башенкой, со стороны он смотрелся как торт на праздничном столе. В номерах царили

блеск и чистота как в доме у хорошей хозяйки; новенькие полотенца пушились и сияли, простыни источали тот особенный аромат, какой бывает у постельного белья, на котором никто еще не спал, и даже форма у персонала хрустела нарядностью и новизной. Менеджмент светился от счастья, приветствуя все наплывающих гостей. В одинаковых бежевых брюках и небесно-голубых рубашках, на фоне которых особенно выделялись бронзовые ладони и бронзовые лица, озаренные елейными улыбками, они, впятером, с раннего утра выстраивались у входа в главный ресторан и приветствовали всякого, кто шествовал на завтрак. Каждый из них только и ждал, когда очередному постояльцу понадобится помощь, и дождавшись, бросался наперерез, чтобы первым поднести чистые приборы, сменить скатерть или пододвинуть даме стул. Казалось, их заботило только одно – чем еще нам услужить. Их угодливость не была натушной, видно было, что они и сами рады тому, что все снова заработало и гостей день ото дня прибывает больше и больше. Персонал помладше ни в чем не уступал начальству. Официанты запоминали все наши предпочтения, повар, готовивший в зале, устраивал целое шоу, с изяществом жонглера подбрасывая омлеты на сковородках и в воздухе укладывая их в тарелки гостей, кондитер выводил кремом имена гостей на белоснежных бисквитах, которые выносили к чаю по три раза на дню, словом, трудились здесь с рвением и с душой, очевидно, истосковавшись по работе за те годы, что курорт не жил. Все в отеле дышало преддверием праздника: впереди был большой сезон.

И вдруг все пошло наперекосяк. В воскресенье пронеслась новость – где-то в районе Табских Высот случился теракт. К обеду выяснилось, что произошло это совсем близко, в каких-то пятнадцати километрах от нас, неподалеку от израильской границы: подорвали автобус с тридцатью южно-корейскими туристами, направлявшимися из Израиля в монастырь Святой Екатерины, самую популярную достопримечательность наших мест; все они погибли или тяжело ранены. Нам запретили покидать отели, только что прибывших увозили в гостиницы Шарм-эль-Шейха. Аэропорт закрыли. Туристов к Табе не подпускали и на пушечный выстрел. Продажи путевок тут же остановились, купленные сдавались назад – никто не хотел рисковать. Европейские туристические компании давали специальные рейсы, чтобы немедленно вывезти своих граждан из опасной зоны. Быстрее всего увезли немцев – и суток не прошло, как в нашем отеле не осталось ни одного немецкого туриста. Менеджеры старались сохранять спокойствие на лицах, но все в отеле переживали. Туристы читали сводки новостей и гадали, удастся ли безопасно проделать путь до аэропорта, доберутся ли они до дома целыми и невредимыми? В глазах менеджеров читался ужас, что теперь будет? Никто никуда не выезжал. Прекратились путешествия на святые израильские земли и в иорданскую Петру, туристы носа не высовывали из отелей и паковали чемоданы в надежде на то, что турфирма сумеет поскорее забрать их домой. Повсюду появились охранники с оружием, вокруг курорта видны были возникшие только что блокпосты. На аллее вдоль моря, где так любили прохаживаться туристы, через каждые двадцать метров поставили деревянные будки, в них днем и ночью бдели люди в черном, с автоматами в руках. Под их прицелом приходилось идти на пляж, раздеваться и одеваться, купаться и загорать, прогуливаться вдоль моря. Они внимательно разглядывали каждого встречного, спрашивали, из какого отеля он идет, проверяли карманы и женские сумочки. Ясно было, что делалось это для нашей же безопасности, однако туристов это угнетало. Особенно туристок. Кажется, их досматривали уж чересчур тщательно, надолго задерживая всякими вопросами. Невольно возникала мысль – неужели все так плохо? Им что-то известно? Ожидаются новые теракты?

Ни русских, ни поляков увозить раньше срока не собирались, и если кто желал покинуть курорт, то делал это сам, как умел. Многие, особенно те, кто с детьми, так и поступали. На несколько дней холл нашего отеля превратился в вокзал, люди часами сидели на чемоданах, ждали автобусов, названивали авиакомпаниям в поисках билетов. По сообщениям, доносившемся снаружи, мы знали, что Таба стоит на ушах, кругом военные с собаками, транспорт

поголовно досматривается, и туристов везут до Шарм-эль-Шейха целых пять часов, а то и все шесть.

С каждым днем в отеле нас становилось меньше и меньше. Внушительная часть постояльцев исчезла, а больше никто к нам не приезжал. Европейцы уехали все до одного, оставались только поляки, державшиеся от нас обособленно, несколько арабских семей да мы, русские. Вскоре мы все оказались взаперти, отрезанными от мира, в оазисе прекрасных и пустынных мест. В нашем распоряжении было все огромное пространство отеля – в ресторанах шаром покати, на пляже на один занятый зонт двадцать пять свободных, в шести бассейнах плавали за весь день два-три человека. По пляжу слонялись работники спа-салонов, пытаясь по пятому кругу продать нам свои услуги. Менеджеры грустнели. Они были все так же услужливы и все так же расшаркивались перед нами, но уже не могли скрывать, что дело плохо и их планам не суждено сбыться. Говорили, что требовалось принимать четыре борта в день, чтобы отели загружались, сейчас же сюда не летали вовсе, а два чартера из одной не самой богатой европейской страны, которых здесь очень ждали, так и не прилетели – оба были перенаправлены в Шарм-эль-Шейх. От нечего делать менеджеры теперь выходили на аллею, где раньше не смели и появляться, с тоской смотрели на горизонт и иногда шептали молитвы. В глазах их читалось отчаяние, и порой нам было неловко, что мы веселимся и отдыхаем со своей чисто русской бесшабашностью, позволявшей нам продолжать отпуск, не думая о будущем и полагаясь на авось.

Из русских в отеле оставались, кроме меня, только две семейные пары. Я и до этого был знаком с обеими, но последние дни сблизили нас сильнее, и, оставшись одни в полупустом отеле, мы чувствовали себя как дальние родственники, приехавшие погостить в доме общего дядюшки. Николя, добродушный рыжеволосый молодой человек с телячьими глазами, любил поболтать и перезнакомился тут, кажется, со всеми, начиная от нашего шеф-повара и заканчивая охранником из соседнего Марриотта. Он мог говорить о чем угодно и с кем угодно – черта, которую, по моему мнению, трудно отнести к достоинствам, – но к счастью, был незлобив, и если видел, что сейчас не до него, не обижался, а просто переключался на того, кто был рядом. Однако в случае непредвиденных обстоятельств, наподобие тех, что произошли у нас, Николя оказался полезен как никто другой: он первым прочитывал новостные сводки, был в курсе того, какие прогнозы строит менеджмент и какие разговоры ходят в других отелях, словом, знал все. Можно было не тратить время на чтение новостей, Николя докладывал обо всем.

Жена его производила впечатление полной противоположности своего мужа. Насколько Николя был словоохотлив и находил язык со всеми, настолько она была холодна, сторонилась всего незнакомого и, казалось, хотела одного, чтобы ее оставили в покое. Думаю, ее мучили какие-то собственные переживания, которые она, как это часто делают женщины, переносила на все, что ее окружало, из-за чего окружающее, включая всех нас, представлялось ей чем-то неподходящим и недостойным. Она наверняка и словом бы не обмолвилась ни с кем из нас, если бы не ее разговорчивый муж, но и тогда она предпочитала держаться отстранение; о чем бы мы ни беседовали, она молча ждала, когда наговорится Николя, и за все время мне не приходилось слышать от нее ничего кроме «доброго утра» и «до свидания». В общем-то мне импонировала ее сдержанность, особенно на фоне балабола-Николя; неразговорчивость всегда привлекает, оставляя надежду, что за молчанием скрывается ум, наверняка и она была неглупа, во всяком случае, не уступала в этом качестве мужу, это было видно по ее серьезным вдумчивым глазам, однако мне не представлялось случая в этом убедиться – она молчала, а лицо ее обычно не выражало ничего, кроме неудовольствия.

Каждое утро мы встречались на пляже, и всякий раз я наблюдал одну и ту же картину. Лопухий Николя, только что с постели, шел с широкой деревенской улыбкой, почесывая брюхо и позевывая спросонья, на нем были одни только плавки – он не утруждал себя лишними

переодеваниями и так и шлепал в одних трусах сквозь богатое убранство отеля; жена его семенила рядом, хмурая и отчего-то уже уставшая. Николя, переговорив с каждым, кто оказался в этот час на его пути, да хоть с уборщиком мусора, разбежался по деревянному понтону, бухался в море, рубил руками ледяную воду, охал и рычал, вылезал, проснувшийся и довольный собой, стряхивал с себя брызги, как мокрая собака, и бежал к хозяйке. Она же подолгу стояла у спуска, окуная в воду только кончик ноги, затем медленно сходила по ступеням, позволяла волнам разочек прикоснуться к себе, тут же выбиралась обратно и, ворчливо кутаясь в полотенце, отправлялась на пляж, там укладывалась на песок и принималась загорать. Николя кружил около нее с виноватым лицом, стараясь обустроить ее поудобнее, но обычно только вызывал у нее раздражение и потому скоро оставлял жену в покое и принимался за свое любимое занятие – шел с кем-нибудь болтать. Николя говорил, что женаты они всего два года. Видимо, так повелось у них самого начала – Николя был заводилой и всегда как будто чуточку перед ней виноват, а она не без труда принимала такой его характер и всегда была чуточку недовольна.

Но самое поразительное в ней было ее имя. Редко когда имя, как злой враг, играет против человека, сходу обнажая все его недостатки. Ее звали Кармен.

И в противовес пылкой черноокой испанке, наша Кармен была бледной, малахольной и далекой от страстей. Узкое лицо с тонкими губами, жиденькие волосы цвета утреннего песка и худощавое как у подростка тельце делали ее внешность болезненно-вялой на фоне жгучего имени. Любое славянское имя одним махом поставило бы все на свои места, придав ее худощавости налет изящества, аристократизма, – меня так и подмывало дать ей добрый совет сменить имя, – но называясь Кармен, бедняжка была обречена на сравнения не в свою пользу. Пожалуй, имей она привычку хоть изредка бывать в хорошем настроении, то была бы вполне хороша собой, даже несмотря на имя, впрочем, это, наверно, можно сказать о всякой женщине на свете. Она же никогда не улыбалась и никогда не проявляла чувств, как будто взяла себе за правило оставаться холодной и бесстрастной, что бы ни происходило.

Другая пара была русской только наполовину. Луиджи, итальянец пятидесяти трех лет, сам по себе был любопытным персонажем. Он называл себя командором авиации – не знаю в точности, что значило это звание, но работал он специалистом по авиакатастрофам, многое повидал и о многом мог рассказать. Сейчас он занимал должность почетного консультанта в каком-то ведомстве в Вероне, был не слишком обременен работой и дожидался выхода на пенсию. Иногда перед ужином мы устраивались за деревянным столом в тенистой беседке, он с непременным бокалом вина на аперитив, я когда как, и вели разговоры о жизни. Я люблю Италию и неплохо говорю по-итальянски, так что Луиджи заимел в моем лице благодарного собеседника. К тому же, на английском он знал только авиационные термины, которые никак не могли помочь в обычной беседе – тут он и двух слов связать не мог. Так что после того, как итальянцы в числе прочих покинули курорт, я стал для него единственным источником общения – поговорить бедняге было не с кем, а он, как и все итальянцы, не выносил одиночества. Время от времени мы ходили в сауну. Пару раз к нам присоединялся Николя, дескать, попариться мужской компанией, и тогда ничего путного из этого не выходило – Николя не замолкал ни на секунду, Луиджи силился его понять, оба немилосердно коверкали английские слова и ждали от меня, что я помогу им разобраться, но я не желал служить им переводчиком, тем более, в парилке, и тем более, что речь шла о какой-нибудь очередной глупости Николя, которую мне и слушать-то не хотелось, не то что переводить; в конце концов, мы все надоедали друг другу до чертиков и уходили из сауны надутые и недовольные. В последующие дни как-то само собой сложилось, что мы стали принимать водные процедуры отдельно – с Николя мы окунались в море до завтрака, а с Луиджи я ходил в сауну по вечерам.

Луиджи был здесь со своей русской женой и их маленькой дочкой. Жена была моложе него лет, наверное, на двадцать, звали ее Анастасия. Они познакомились на побережье Гарды, где у него имелся небольшой летний домик, а у нее – работа в агентстве недвижимости, а поже-

нившись, стали жить в его веронской квартире. Вероятно, между ними когда-то были настоящие чувства, но сейчас их отношения нельзя было назвать амурными, особенно в итальянском смысле этого слова, казалось, они были больше врозь, чем вместе. Почти всегда я встречал их по отдельности – когда он собирался обедать, она отправлялась отдыхать в номер и просила его идти без нее; если он звал ее на пляж, чаще всего она отнекивалась, предпочитая остаться там, где была, и даже когда они выходили куда-то вместе, сначала появлялся Луиджи с дочкой, и только спустя какое-то время к ним не спеша присоединялась она. В отличие от типичных итальянцев, которые всегда и везде бурно проявляют чувства, а уж на отдыхе так вообще не выпускают друг друга из объятий, эти двое едва прикасались друг к другу, и на все попытки Луиджи поухаживать за женой, я видел, он получал отворот-поворот. Она не стремилась проводить время с ним, и я не мог не заметить, что это его огорчало. Он не протестовал и не выяснял с ней отношений, во всяком случае, на людях, и ни разу за все время ни слова не проронил на счет нее, хотя на другие темы мы разговаривали с ним довольно откровенно.

Видно было, что все в их паре строилось под нее. Луиджи рассказывал, что предпочел бы провести отпуск где-нибудь на родине, и это в полной мере укладывалось в представление об отдыхе любого итальянца, убежденного, что лучшего места, чем Италия, на свете не существует, но ей было скучно с итальянцами и хотелось побыть среди земляков, только поэтому они и приехали сюда. Вообще, насколько я понял, скука была чуть ли не самой крупной их проблемой – Луиджи все время боялся, что жена заскучает, и это было главным аргументом в любом споре. Если ей чего-то хотелось, он разрешал, лишь бы она не скучала. Пока вокруг было спокойно, он ежедневно отправлял ее на всевозможные экскурсии, хотя сам никуда не ездил – не любил, да и она, по-моему, не звала его с собой. Она без труда находила себе компанию, но чаще всего я видел ее с Николя и его женой, втроем они болтали о чем-то за завтраком, обедом и ужином, втроем гуляли по пляжу и играли в пинг-понг. Луиджи, казалось, не возражал, ведь для этого он и привез ее сюда. Когда отель опустел, и в радиусе нескольких километров не осталось ни одного живого европейца, Луиджи мужественно остался, наравне с русскими и поляками, и снова только ради жены. Я знаю, насколько итальянцы привязаны к ближайшему окружению – родным, друзьям – и какая это пытка для итальянца делать что-либо в одиночестве, хоть обедать, хоть смотреть футбол. Луиджи не был исключением. Он не жаловался на жену и не пытался удержать ее возле себя, но я видел, как порой, отправляясь на пляж или на прогулку вдоль моря, он буквально топтался на месте, выискивая глазами попутчика и не в силах тронуться в путь один. Мне он старался не докучать лишний раз, но в последние дни все чаще подходил к моему столу, где я корпел над новым романом, тихонько садился рядом и со словами – пиши, пиши, не отвлекайся, я только посижу, переведу дух – устраивался на полчаса в соседнем кресле.

Казалось невероятным, что жена его, несмотря на то, что жила с итальянцем и среди итальянцев, не вобрала в себя ничего итальянского. Это ни в коем случае не означало, что она оставалась провинциальной или какой-то типично русской, напротив, в ней чувствовались и кругозор, и манеры европейского человека, который держится приветливо со всеми, но себе цену знает. Высокая, угловатая, с порывистыми и непредсказуемыми движениями, она вся была комок нервов. Если смотрела, то взбудораженно, остро, насквозь. Если отворачивалась, то окончательно и бесповоротно, как будто навсегда теряла интерес к собеседнику или к какой-то теме. В ресторане она не садилась, а бросала себя в кресло, а потом так же резко с него вскакивала; цеплять скатерти, опрокидывать бокалы и раздавать случайные подзатыльники соседям по столу было вполне в ее духе. Временами на нее нападал смех. Внезапные и необъяснимые приступы вдруг заставляли ее сгибаться пополам, но смеялась она не заразительно, а непонятно и тревожно, меня так ее смех просто пугал – казалось, дело вот-вот закончится слезами. Несмотря на беспокойный характер, она умела быть покладистой и милой, когда сама того хотела, но думаю, жить с ней было нелегко. Разговорчивость была ей присуща, но не

настолько, чтобы изливать душу за бокалом вина или еще чего покрепче, как это часто случается, когда времени много, а делать нечего. По-моему, она ни в чем не была до конца откровенна и всегда держала какие-то мысли за пазухой, в общем, была вещью в себе. Имелись у нее и другие странности, например, она просила, и довольно строгим тоном, называть ее только Анастасией, и если кто-то забывался и окликал ее Настей – а этим обычно грешил Николя, – она воспринимала это как оскорбление. Однажды за обедом Николя – вот уж кто был начисто лишен дипломатии – вдруг принялся выяснять у нее, не хочет ли она называться Асей, Стасей или еще каким-нибудь подобным образом, на что она ничего не ответила, а только встала из-за стола и ушла, оставив Николя фантазировать дальше во всеобщей тишине. Словом, характера ей было не занимать. Чего в ней не было, так это живости чувств, которая так отличает итальянцев. В этом смысле они с Луиджи совсем не походили на итальянскую семью, шумную и говорливую, а напоминали, скорее, русскую пару со стажем, в которой отношения уже не ахти какие и каждый живет сам по себе. Можно было только догадываться, как чувствовал себя в этой атмосфере итальянец Луиджи. К счастью, у него была дочь.

Удивительный это был ребенок. Я познакомился с ней еще до того, как встретил ее родителей. В один из дней она вдруг очутилась около моего стола, не спрашивая, забралась ко мне на колени и оглядела ворох рукописей и бумаг:

– Что ты тут пишешь?

Еще не придя в себя от удивления, я попытался что-то объяснить. Обдумав мои слова, она спросила:

– А сказки пишешь?

– Нет, сказки не пишу.

– Эх, жаль, – вздохнула она. – Сказки мне быгодились. Может, напишешь? Хотя бы одну? Для меня?

– Ну, может, и напишу.

– Про маленькую розовенькую собачку, ладно?

– Ну давай про собачку.

– А когда? Завтра напишешь?

Мы еще немного поговорили, и все это время она сидела у меня с таким видом, будто нигде ей не было так уютно, как посреди моих бумаг. Маленькая как птенок, с длинными черными волосами и умным личиком, она водила пальчиком по моим рукописям, рассуждала и о чем-то договаривалась со мной со всей серьезностью, чем совершенно растопила мое сердце. Вскоре появился ее отец, и она побежала к нему. Так мы познакомились с Луиджи.

С тех пор мы часто виделись. Розалинда, или как ее называли здесь мы, русские, Розочка, скакала как мячик между родителями, то увязываясь за матерью, то прибегая к отцу, но все-таки с отцом она бывала чаще. А уж он в ней души не чаял. Никогда не звал ее по имени, только «tesoro», что означает у итальянцев «сокровище», носил на руках, кормил из своей тарелки, катал на каруселях, учил плавать, укладывал спать и сам сидел рядом, отгоняя мух, одним словом, проявлял всю нежность, которую не мог позволить себе с женой. Ко мне Розочка относилась с необъяснимой теплотой и, как и в первый раз, частенько забиралась ко мне на колени, рисовала на моих бумагах или затевала еще какую-нибудь шалость. Родители ее не ревновали и как будто уже привыкли, что она могла оказаться у меня на руках. Луиджи даже делал ей замечания, но так мягко, что она пропускала их мимо ушей, да и я был не в силах противиться этому трогательному существу. Она была как ручной зверек, юркая, ласковая, совсем не капризная, хотя и любила втянуть в свою игру – всякий разговор с ней завершался обещанием покатавать ее на качелях, или поиграть в прятки, или принести конфет, или спеть песенку, и поскольку я был по большей части занят, исполнение желаний выпадало на долю Луиджи, который только и успевал то кукарекать, то прыгать в бассейне дельфинчиком.

Когда в отеле не осталось никого, кроме нас да поляков с арабами, мы стали держаться теснее. Зайдешь в ресторан на завтрак, а там уже сидят знакомые лица, и неловко садиться за другой стол, как будто ты чем-то обижен. То же за ужином, и на прогулке, и за чашкой чая перед сном. Мне некоторая обособленность была еще простительна, как-никак я работал, к тому же, был здесь без семьи, но они были вместе почти всегда. Луиджи все больше играл с дочкой, а Анастасия как будто поселилась в семье Николя; куда бы ни направлялись они с женой, она шла с ними, и, кажется, они были не против ее компании, во всяком случае, Николя уж точно был только рад – частенько его можно было увидеть красующимся перед ней на пляже или выходящим из бара с улыбкой до ушей и с коктейлями в обеих руках, для двух дам. Для меня было очевидно, что между ними что-то происходит. От завтрака к завтраку я подмечал про себя, что Анастасия с каждым днем выглядит все краше и смеется все звонче, а Кармен становится все тише и грустнее. Невозможно было не видеть двусмысленных взглядов, которыми перебрасывались Николя и Анастасия, нельзя было не удивляться ее громкому дразнящему смеху и его самодовольному лоснящемуся лицу. Наши беседы за столом теперь сопровождались туманными намеками и длинными паузами, я все чаще чувствовал себя неловко рядом с ними и старался их избегать.

В один из дней мы сидели, как всегда перед полдником, на веранде, устроенной на крыше первого этажа. Я правил утренний текст, Луиджи дремал, сидя на диване, Розочка мурлыкала у него за спиной, устроившись на подушках и соорудив бумажную шляпу у него на голове. Отсюда был виден и весь наш пляж, и густое изумрудное море, и длинная полоса аллеи, но мы так привыкли к этому пейзажу, что уже не ощущали того трепета, который испытали, поднявшись сюда впервые. Я приходил сюда, чтобы, для разнообразия, поработать на воздухе, Луиджи составлял мне компанию, потому что других развлечений в этот час у него не было, а Розочка ждала мороженого, которое выносили в буфете ровно в пять часов. Нашу мирную дрему нарушило появление Кармен. Мы никогда не видели ее такой – она вбежала в двери и оглядела нас встревоженным взглядом:

– А Николя разве не с вами?

Он сказал ей, что хочет поговорить о чем-то со мной, и вот уже больше двух часов, как пропал. Бедняжка не могла скрыть отчаяния, увидев, что вот он я, сижу на месте с самого обеда и про Николя слышать не слыхивал.

– А Анастасия? Где она?

Луиджи пожал плечами.

– Она, кажется, говорила, что собирается в спа-салон. Да, точно, она на массаже.

– Да нет там никого, на вашем массаже! Я только что там была!

Она бросилась назад к дверям, но прежде чем выбежать, пробурчала, бросив взгляд на Луиджи:

– Сидит тут, в ус не дует! Нормальный мужик вскочил бы да побежал жену искать!

– Что она сказала?

Я только руками развел.

Розочка тащила нас вниз, к мороженому. Хотя было еще не время, Луиджи уступил, поднялся, ворча, с дивана и хотел взять ее на руки, но она не успокоилась и принялась уговаривать теперь меня – ей хотелось, чтобы мы обязательно пошли все втроем. Мы спустились в буфет. Кармен сидела там одна.

Наконец вынесли мороженое, скоро появились и двое пропавших. Они шли вместе, Анастасия, раскрасневшаяся, наэлектризованная, с горящими глазами, пришла в буфет первой, Николя шаркал шлепанцами позади, как всегда неспешный и беззаботный.

– Где вы были? – спросил Луиджи.

– В беседке, – она показала наверх. – Смотрели в телескоп.

И тут же отвернулась от него, показывая, что не желает никаких расспросов.

Беседка стояла на самой верхушке нашего отеля. Я тоже однажды поднялся туда и не обнаружил ничего примечательного – засыпанная сухой листвой и пылью деревянная беседка, раскаленные солнцем скамейки, на которые не присесть без того, чтобы не обжечь зад, и старый как век телескоп. Конечно, вид оттуда открывался впечатляющий – широкий, гористый, красивый и без всякого телескопа, который вдобавок ко всему не чистили, но на нашей веранде и вид был не хуже, и диваны мягче, и кофе приносили.

Анастасия уже говорила что-то Кармен, слышен был ее смех, а та сидела как пришибленная и молча смотрела на нее и на всех нас. Один Николя как ни в чем ни бывало почесывал пузо и рассуждал о бренном:

– Я хотел вишневого с печеньем. А нету. Зато лимонного сколько хочешь, этой кислятины всегда навалом. Все, ребята, с мороженым теперь проблемы. Как бы и с едой не случилось то же. А то плакали наши ребрышки на гриле...

Я спросил его, о чем он хотел поговорить со мной. Он напрочь забыл, о чем речь, а когда вспомнил, наклонился ко мне и со всем своим простодушием объяснил:

– Да ни о чем, – он кивнул на жену, – мне просто отойти надо было. А вы единственный, к кому Кармен меня не ревнует.

Мне все это не нравилось. Их дела меня не касались, но как писатель я отлично знал, что нет лучших условий для происшествия, чем ограниченный круг людей и замкнутое пространство. Разве не в таких декорациях разыгрывались все самые известные детективные истории? Нам оставалось жить здесь еще целую неделю, и непохоже было, чтобы кто-нибудь собирался разбавить нашу компанию, так что я бы на месте Николя не увеличивал градус накала. Женщины существа непредсказуемые, а он явно не мастак искусного обращения с женским полом и, по-моему, не отдавал себе отчет в том, во что ввязывается.

В тот же вечер за ужином разговор у нас зашел о ревности и о том, на что способен человек в порыве чувств.

– Луиджи повезло, я совсем не ревнива, – высказалась Анастасия, – хотя... иногда на меня такая хандра нападает, что я, пожалуй, запросто кого-нибудь могла бы пришибить. Но это никак не связано с ревностью.

– Я тоже не из ревнивых, – поддержал ее Николя, но Кармен посмотрела на него такими глазами, что он тут же исправился, – нет, ну это смотря с кем сравнивать. Вот у меня есть знакомый, вот он ревнивый. С ним всегда на этой почве приключения происходят. Тут недавно такая история была... – И он выдал длинный сбивчивый рассказ о приятеле, по ошибке принявшим менеджера отеля за любовника жены и устроившим драку, когда тот собственноручно принес ей в номер свежее полотенце. Анастасия переводила все Луиджи, но он, как и все мы, не понял юмора Николя. И, поскольку настал его черед высказаться, произнес:

– Все женщины любят покрасоваться, без этого они не чувствуют себя женщинами. Менеджер в отеле, сосед в самолете, официант... какая разница? Надо давать женщине такую возможность. Если любишь, ты должен сделать так, чтобы твоя женщина была счастлива.

– Даже если она захочет изменить? – вдруг выпалила Кармен, до сих пор не проронившая ни звука.

– Ну, – замялся Луиджи, – не обязательно речь идет об измене. Ей нужно внимание других мужчин, флирт, подтверждение своей привлекательности, это нормально.

– А измена, это тоже нормально?

– Конечно, это ненормально в обычном смысле. Но послушай, Кармен, когда у вас отношения двух зрелых людей, когда вы прошли разные этапы на своем пути, вы не можете думать категориями «нормально-ненормально». Женщине нужны новые чувства. Это факт. Зачем же запрещать ей это?..

Луиджи рассуждал так складно и так задушевно, что я ушам своим не верил, неужели он и правда придерживается таких взглядов, слишком уж свободных для итальянца? Надо ли

понимать его слова так, что и своей жене он предоставляет полную свободу? Или он попросту не в курсе того, что происходит у него за спиной? По всей видимости, Кармен одолевали те же сомнения. Она впиалась в него глазами, словно хотела получить ответы на свои вопросы, и на лице ее, всегда одинаковом, сейчас бушевали самые разные чувства. По-моему, ей хотелось огреть его по башке и крикнуть – да очнись же наконец, старый пень! – но наверно, как и я, она не могла не заметить, как снисходителен он был к причудам жены. Кто знает, может, он и впрямь позволял ей все?

Анастасия мало того, что была в центре внимания, поскольку переводила слова мужа остальным, так еще и оседлала своего любимого конька – видно было, что эта тема была ей интересна и обсуждалась ею уже не раз.

– Но все-таки, как? – не унималась Кармен. – Вы предлагаете прощать измену? Делать вид, как будто ничего не было?

– Да прощать, прощать, – пробурчал Николя.

– А тебе известен лучший вариант? – продолжал философствовать Луиджи.

Дошла очередь и до меня. Анастасия, давно уже пытавшаяся выяснить мое мнение, снова спросила, что я думаю обо всем этом:

– Ваш писательский опыт, что он подсказывает вам? В ваших книгах герои ревнуют друг друга?

Она явно готовилась услышать от меня нечто необыкновенное, но у меня имелось только одно наблюдение на этот счет, которым я и поделился: я считаю, что ревность всегда обоснована. Если человек ревнует, значит он ощущает, и совершенно справедливо, что его половина принадлежит не ему. Возможно, физически измена не случилась, но в душе его уже предали. В каком-то вопросе его предпочли другому, на это предательство он и реагирует ревностью. Не бывает такого, чтобы человек ревновал по ошибке. Раз есть ревность, значит, есть и причина.

Все задумались над этими словами и, в целом, согласились.

– Что же делать? – спросила Кармен.

– Надо открыто разговаривать друг с другом, это единственный выход, – уверенно произнесла Анастасия.

Луиджи поддержал жену:

– Вы должны всегда обо всем говорить друг другу, – сказал он, обращаясь к Кармен. Глядя на ее лицо, я видел, что его слова окончательно сбили ее с толку, как понимать этот его поучительно-отеческий тон? Я боялся, как бы она не выпалила что-нибудь наподобие того, что сказала днем на веранде, но она лишь уточнила:

– И вы что, так и делаете?

– Мы? Ну конечно.

– И обо всем рассказываете друг другу?

– У нас нет секретов друг от друга, – улыбнулась Анастасия и взяла мужа за руку. Луиджи посмотрел на нее с нежностью, поднес к губам ее пальцы и поцеловал. Рот у Кармен приоткрылся от удивления. Я и сам не знал, что думать.

Стол, за которым я работал, находился в дальней части просторного многокомнатного холла. Роскошные залы, приготовленные для приема сотен гостей, стояли нетронутые, и места в отеле было так много, что я мог бы устраиваться каждый раз по-новому, но мне нравилось приходить к своему столу – за ним мне хорошо писалось, и я не менял его из чистого суеверия. Окна отсюда выходили во внутренний двор, выложенный булыжниками и круглыми, как астраханские арбузы, кактусами; выступы балконов с верхних этажей держали надо мной приятную тень в течение всего дня, а уж о покое и говорить нечего – кроме Луиджи с Розочкой, время от времени навещавших здесь своего русского амиго, никто не забирался в такую глушь, и думаю, случись мне тут заночевать, никто бы и не заметил. Напротив стоял один из корпусов отеля, откуда на меня смотрели четыре этажа открытых коридоров с рядами номерных дверей.

Раньше, когда жизнь в отеле кипела, там было оживленно, поминутно хлопали двери, стучали колеса чемоданов, шныряли туда-сюда постояльцы, слышались голоса, теперь же там не было ни души, лишь раз в день, где-то около одиннадцати, появлялись уборщики номеров, они приходили всегда по двое, работали без суеты и любили постоять, опершись на перила, поболтать о том, о сем, пользуясь тем, что начальство их здесь не увидит. Невозможно было не заметить меня, сидящего прямо напротив; поначалу они терялись и пугливо хватались за швабры, но скоро привыкли ко мне, и теперь мы приветствовали друг друга как старые знакомые.

В тот день я сидел за своим столом как обычно. Кругом царила тишина. Вдалеке ветер рвал пальмы, а во дворе передо мной не было ни шороха, ни звука. Когда за окном послышались какие-то звуки, я автоматически поднял голову, готовый поздороваться с уборщиками, как вдруг моим глазам предстала неожиданная картина. Из номера на втором этаже вышли Николя и Анастасия, он, оглядываясь по сторонам, закрыл ключом дверь и, взяв ее за талию, повел к лестнице. Там они замешкались, переговариваясь о чем-то, потом я увидел, как он притянул ее к себе и коротко поцеловал, она побежала вниз, а он, опять озираясь, нет ли кого в коридоре, направился к противоположной лестнице и там исчез. Ошарашенный, я продолжал смотреть на пустой коридор. В голове у меня все смешалось, мыслями я был еще в тексте, который писал, и никак не мог сообразить, что же я только что увидел. Вероятно, я схватился за голову, а может, потер глаза, потому что в следующее мгновение раздался голос Луиджи:

– Устал? Что-то ты неважно выглядишь.

Он стоял у меня за спиной и смотрел на меня своим спокойным взглядом. И давно он тут стоит?

– Может, пора передохнуть? Там вынесли шоколадные кексы и что-то типа бриошей. Очень неплохо. Не хочешь попробовать?

Похоже, он ничего не видел, решил я и выдохнул с облегчением. Мы пошли в бар.

Все было как всегда, и к вечеру мне начало казаться, что утреннее видение мне просто померещилось. Конечно, я обманывал себя – мне хотелось вернуть все на круги своя, хотелось вернуть драгоценное спокойствие, которого меня едва не лишили. Я решил, что, как бы там ни было, свидетель в этой истории не нужен, так что я должен держаться поодаль и дать возможность двум семьям самим во всем разобраться. Чтобы не участвовать в застольных разговорах, я поужинал пораньше отдельно от всех и, сославшись на работу, отправился к себе. Наутро после завтрака я как обычно взялся за текст, но сразу почувствовал, что мой покой был все-таки нарушен. Мне не привыкать писать и в более неподходящих условиях, когда ничто вокруг не располагает ни к удобству, ни к тишине, но на этот раз в меня проникло беспокойство другого рода, внутреннее, а это, я знал, было хуже всего. Выкинуть из головы вчерашнюю сцену не выходило. Как только я сел за стол, перед глазами всплыла обнимающаяся парочка, и я боялся, что стоит мне поднять глаза, я увижу их снова. Ко всему прочему я опасался прихода Луиджи, хоть и говорил себе, что тут нет моей вины и что рано или поздно он все равно обо всем узнает. Эти мысли мешали сосредоточиться. Я злился на себя, и мне понадобилось немало усилий, чтобы перестать отвлекаться. Наконец я решил, что уйду сегодня пораньше – береженого бог бережет, – сяду на веранде и продолжу писать там. Это помогло. Я сумел забыть обо всем и погрузиться в работу.

Прошел час или два, как вдруг напротив меня послышалось какое-то шевеление. Надеюсь, на этот раз там будут не они, мелькнуло у меня в голове, я на секунду оторвался от текста и тут же выругался – черт бы их побрал, это были они! Я глазам своим не верил. Неужели опять? И ладно бы, они прошмыгнули украдкой мимо меня, так нет же, они встали у двери и стояли там, как приклеенные, как будто нарочно хотели, чтобы я их заметил. И за что мне такое наказание? Я быстро оглянулся, не стоит ли за моей спиной Луиджи. Никого не было. Тогда я поднялся, встал боком к окну так, чтоб меня было видно, вытянул руки кверху, как будто разминая затекшую спину, пошевелил туда-сюда вытянутыми конечностями – теперь-то

меня нельзя не увидеть, потом вернулся за стол и краем глаза посмотрел наверх. Ну и наглецы! Я думал, они мигом исчезнут, а они и ухом не повели. Так и стояли. Целовались и даже не смотрели в мою сторону. Наконец они скрылись на лестнице, а я собрал бумаги и с грустью поглядел на рабочее место, служившее мне верой и правдой столько дней – больше мне не придется воспользоваться им.

Весь день, когда мне встречался кто-нибудь из нашей компании, я волей-неволей задавался вопросом: что же будет дальше? За ужином Анастасия была, что называется, в ударе, пила вино, которое до сих пор считала «ерундой, а не вином», оживленно говорила, обращаясь то к Луиджи, то к Николя, но делала это не для того, чтобы отвести подозрения, как можно было бы предположить, а наоборот. Она не умела или, может быть, не считала нужным скрывать чувств, охвативших ее, и флиртowała с Николя так откровенно, что я диву давался, как Луиджи может этого не замечать. Чего стоил один только ее наряд, в последние дни она и так одевалась вызывающе, а сегодня вечером и вовсе надела прозрачную блузу, не оставлявшую места воображению. Две пары обычно садились друг напротив друга, я и Розочка – с торцов стола, так что Луиджи, занимавший место сбоку от жены, был последним, кому предназначался этот наряд, мне так вообще, неловко было смотреть в ее сторону. У всех на глазах она обдавала Николя страстными взглядами, жеманничала, закатывала глаза и поправляла волосы, когда смеялась, одним словом, использовала все те приемчики, какие задействует женщина, когда хочет охмурить мужчину. Мне кажется, даже официантам были понятны ее намерения, что уж говорить о Кармен и о Луиджи – не знаю, как они вообще пережили этот ужин.

Николя, конечно, не был столь откровенен, но и не пресекал ее заигрываний, из-за чего двусмысленное положение за столом только усиливалось. Мне показалось, он был растерян и не знал, как себя вести. Тут любой бы растерялся. По логике вещей они оба должны были бы изображать холодность или, по меньшей мере, спокойное равнодушие друг к другу. Возможно, они не договорились о том, как будут вести себя на людях, и теперь он удивлялся ее поведению так же, как и мы? Николя не из тех мужчин, кто крутит романы с несколькими женщинами одновременно, думаю, он и одной-то вскружить голову не сумел бы, во всяком случае, такой, как Анастасия. Ясно было, что инициатива принадлежала ей, а Николя оставалось лишь играть свою роль. Я был уверен, что это первый случай, когда женщина обратила на него внимание так явно, вот он и растаял как мороженое на солнце. Будь он поопытней в таких делах, не допустил бы таких ляпов – не попался бы дважды мне на глаза и уж точно не позволил бы жене догадываться обо всем с самого начала.

Когда после ужина мы с Луиджи вышли подышать перед сном на нашу аллею, разговор у нас не клеился. Не знаю, догадывался он обо всем или нет, но настроение у него было хмурое. Мое положение тоже было незавидным: будь на его месте кто-нибудь из моих друзей, я сказал бы все начистоту, и дело с концом, но с Луиджи мы не были друзьями, и я не мог совать нос в его отношения с женой. Можно было только предполагать, как он отреагирует, когда узнает правду, а вдруг после этого изменится вся его жизнь? Мне вовсе не хотелось стать тем, по чьей вине разрушилась его семья. Но и делать вид, что ничего не происходит, было тоже невыносимо – хоть мы и не друзья в обычном понимании этого слова, здесь, пусть и на короткое время, у нас сложилось нечто вроде мужской дружбы, и я чувствовал себя так, будто предаю товарища, скрывая от него то, что ему положено было знать. Пока я размышлял, как мне лучше поступить, Луиджи молча шагал рядом. Я поглядывал на него, гадая, не собирается ли он мыслями, чтобы начать разговор. Если так, я аккуратно скажу ему правду, решил я про себя. Но вот мы дошли до конца аллеи, из темноты на нас выпрыгнул охранник и потребовал повернуть назад. Так же молча мы вернулись к себе. Перед тем, как распрощаться до утра, я только позволил себе спросить:

– Ты не думаешь уехать отсюда пораньше?

Луиджи внимательно посмотрел на меня, и по его лицу я понял, что он, кажется, догадался, что именно я хочу ему сказать. Его ответ озадачил меня еще больше:

– Анастасия хочет остаться до конца. Да и дочке здесь нравится.

Как я ни ломал голову, я не смог найти способа, который позволил бы мне продолжать приятельствовать с Луиджи и при этом не чувствовать себя предателем, и в конце концов не придумал ничего лучшего, как избегать встреч с ним. На следующий день я дважды отговорился от прогулки по берегу, потом не явился на обед. Перед полдником я все-таки вышел на веранду, но не надолго – поиграл с Розочкой, которая успела по мне соскучиться и трогательно брала с меня обещания не пропадать вновь, а вечером, поужинав на скорую руку, поспешил подняться к себе. Судя по тому, что я мог наблюдать в короткие моменты встреч, ситуация набирала обороты: Анастасия упивалась своим счастьем, на Луиджи лица не было.

Чувствуя, что добром это не кончится, я решил отстраниться от всей этой истории – нашел себе новое рабочее место и перестроил режим дня так, чтобы встречаться со всеми только по случаю. Стал подниматься на час раньше, окунался в море, пока на пляже никого еще не было – часом раньше или позже, вода все равно была ледяная, – шел на завтрак, и когда остальные подтягивались к столу, я уже покидал ресторан. С полчаса я лежал на пляже, греясь на нежном утреннем солнце и крутя в голове сцены, над которыми собирался работать сегодня, а потом шел в холл, укрывался за столом и писал до самого обеда. Посиделки на веранде я тоже отменил, кое-как извинившись перед Луиджи. Вместо этого я отправлялся в номер и позволял себе часок поспать. Зато когда жара спадала, я возвращался за стол и брался за текст с новыми силами. Два дня в таком режиме, и результаты не заставили себя ждать: мне удалось неплохо продвинуться. Я был доволен собой и особенно счастлив тем, что сумел не втягиваться в чужие семейные дела. Выкинув из головы всякие мысли, я целыми днями писал, писал.

На третий день, когда я как обычно сидел за столом и ваял свой роман, вдруг появился Луиджи. Он был один, без Розочки, молча подошел к столу и упал в кресло напротив. Выглядел он не ахти. Лицо серее серого, волосы примяты, глаза горят. Я подумал, что он не только не завтракал, но, похоже, и не спал этой ночью.

– Я больше так не могу, – он прижался затылком к спинке кресла и закрыл глаза, как будто его одолевала головная боль.

Не зная пока, что именно он имеет в виду, я молчал.

– Ты же все знаешь, да? Ну конечно, знаешь. Поэтому и перестал общаться со мной... – Я открыл рот, чтобы ответить, но он жестом попросил не перебивать. – Мне надо рассказать тебе все, выслушай, прошу тебя. Кажется, я совершил огромную ошибку. Которую теперь не знаю, как исправить...

Он оторвал голову от кресла, подался вперед, нервно сжал руки, хрустнул костяшками, вздохнул и посмотрел мне прямо в глаза.

– У кого молоденькая жена, тот меня поймет. Ты же знаешь, мне пятьдесят три. Жена моложе меня на двадцать два года... Многие мои друзья отговаривали меня от женитьбы, но я был уверен в себе. У нас с ней действительно все было хорошо. Мы понимали друг друга, я был уверен в ней как в себе самом. Родилась Розалинда. И потом все поменялось, все пошло не так...

Я понял, что в эти дни он обдумывал свою жизнь и проговаривал про себя эти слова, наверно, тысячу раз. Он рассказал, что не мог найти причины, по которой отношения с женой испортились. Она стала раздражительной и грустной, закрывалась в своей комнате и плакала дни напролет. И видеть не желала ребенка. Он нашел няню, возил жену к морю, отправлял на шопинг, ничего не помогало. Они ходили к психологу, к одному, другому, толку не было. Теперь он уже и не помнил, откуда возникла идея попробовать свободные отношения, то ли от кого-то из специалистов, то ли от одной из ее подруг, но они зацепились за нее как за спасательный круг. Жене эта мысль пришла по душе, впервые за долгое время в глазах у нее

появилась улыбка, и он был готов согласиться на что угодно, лишь бы ей стало лучше. Она объясняла все разницей в возрасте, мол, у нее должен быть свой круг друзей и свои развлечения, походы в клуб и танцы до утра. И хотя он так не думал, но принял ее точку зрения. Она настаивала на том, что они оба должны начать общение с другими партнерами, иначе это будет выглядеть как адюльтер. Пришлось согласиться и на это.

– Только не подумай, что я все это затеял, чтобы развязать себе руки, нет! – с итальянской горячностью объяснял он мне, и я ему верил.

Он дал жене сходить на пару свиданий. Не сказать, что ему легко это далось – все два часа, что ее не было дома, он места себе не находил. Но со свиданий она возвращалась веселой и оживленной, почти как раньше, они снова ужинали вместе, играли с ребенком и на один вечер становились похожи на нормальную семью. Пришлось пойти на свидание и ему. Она сама, через интернет, нашла кандидатуру и договорилась о встрече. Я так и видел, как Луиджи, солидный человек, женатый вторым браком на молоденькой женщине и уверенный, что это навсегда, отправился на свидание с какой-то девицей, сам не понимая зачем, и был вынужден есть, пить и вести разговоры о проблемах чужой, незнакомой ему и неинтересной жизни. Ничего кроме усталости эта встреча не принесла. К тому же, весь вечер он боялся, что встретит знакомых, Верона город большой, но всякое могло случиться. Дома он сказал жене, что больше на такое не согласится.

– Зачем? Зачем мне это надо? Ради чего? – вопрошал он, сложив пальцы обеих рук в характерном итальянском жесте.

До приезда сюда они много об этом говорили – теперь мне было понятно, почему в тот вечер за ужином они в один голос утверждали, что у них нет секретов друг от друга – но поездка все изменила. Познакомившись с Николя, она решила, что он и есть тот, кто ей нужен. С ним она собиралась, что называется, пойти до конца. Это стало навязчивой мыслью. Он пытался переубедить ее, взывал к совести – как-никак он был здесь с женой; она слышать ничего не хотела. Дескать, еще в дома, в Вероне, они обо всем условились, так что пути назад нет. В конечном итоге, говорила она, это делается не ради нее одной, а для их общего семейного блага. После долгих споров она взяла таки с него слово, что он не станет ей препятствовать. Однако сдержат обещание оказалось куда труднее. Если в Вероне она просто уходила на час-два и возвращалась, то здесь все разворачивалось у него на глазах, и это испытание было ему не под силу. Видеть, как жена улыбается другому мужчине, кокетничает с ним, он не мог. Даже когда они оставались наедине, она говорила о нем, а если не говорила – думала, во всяком случае, так ему казалось. Они начали ссориться. Чем сильнее она отдавалась своему увлечению, тем хуже становилось ему. Она делала вид, что не понимает, что с ним. Он возненавидел Николя всем своим существом. Не раз, и не два за последние дни ему приходилось сдерживаться, чтобы не ударить его. По ночам он не мог спать, все представлял, как возьмет Николя за грудки и будет колотить его изо всех сил головой об стену – и сам пугался своих мыслей. Он всерьез опасался, что в один прекрасный день не сможет себя остановить.

– Черт бы его побрал, этого Николя! – в сердцах восклицал он, рассказывая мне о своих ночных кошмарах. – Видеть его не могу... Когда я соглашался на все это, я думал, она сходит на пару свиданий и успокоится. Поймет, что со мной ей лучше. И все снова станет так, как было до свадьбы. Я же не знал, что все это будет вот так... Разве это можно вытерпеть?

Он рассказал, что умолял ее уехать, но она отказывалась и предлагала ехать без нее, раз уж ему здесь невмоготу. Иногда он был готов и на это. И даже узнавал на счет билетов. Но потом все-таки оставался – боялся, что если уедет и будет думать о том, что здесь происходит, то сойдет с ума. Да и с ней потом вряд ли сможет жить как прежде.

Сказать, что я был удивлен тем, что услышал, – ничего не сказать. Но несмотря на неожиданное признание, я хорошо понимал Луиджи, и даже его неприглядные мысли в отношении Николя я тоже разделял. И правда, была в Николя какая-то расхлябанность, из-за которой его

так и хотелось иногда огреть по башке, чтобы заставить очнуться, прийти в себя. Его глуповатая физиономия, вечная улыбка до ушей, чрезмерная болтливость – все это можно было сносить до тех пор, пока не случилась трагедия, а глядя сейчас на моего итальянского друга, иного слова мне в голову не приходило: он производил впечатление человека, которого постигла настоящая беда.

Он не сказал мне об этом, но я догадался, что последние два дня подкосили его еще и тем, что он лишился нашего с ним общения. Меня можно было понять, но ему от этого не легче – он, итальянец, и в мирное время плохо справлялся с одиночеством, а в одну минуту остаться без жены и без единственного друга было для него совсем нестерпимо. Когда мы закончили разговор, он поднялся с кресла и спросил:

– Ты пойдешь обедать?

И хотя он постарался придать голосу самое обычное выражение, я почувствовал, что в действительности он спрашивал меня, будем ли мы и дальше дружить – ходить на прогулки, сидеть на веранде и, главное, разговаривать.

– Ну разумеется, – ответил я и невольно тоже вскочил на ноги. Мы обнялись.

– Тогда в два?

– В два.

Я сочувствовал ему всем сердцем и не мог помочь ничем, кроме как возобновлением нашей дружбы.

Вечером того же дня наша компания разделилась на два лагеря. Случилось это из-за ссоры между Луиджи и Николя; выйдя к ужину, я застал ее финальный аккорд. А началось все с того, что Николя – вот ведь дурень – сделал комплимент Анастасии, из-за чего Кармен тут же устроила ему сцену. Между ними троими завязалась перебранка, и когда Николя, желая оправдаться, очередной раз сказал что-то на счет Анастасии и коснулся ее руки, на него кинулся Луиджи, который до сих пор стоял поодаль, но теперь не выдержал и взорвался.

– Какого черта ты делаешь! Оставь в покое мою жену!..

Войдя в ресторан, я услышал его громкие итальянские крики. В руке у него был стакан с водой, и я уж подумал, сейчас он швырнет его в голову Николя, но он умолк, остановленный женой, и, выругавшись, жажнул стакан об пол.

Мы сели ужинать отдельно. Как ни странно, Анастасия предпочла остаться в компании Николя и Кармен. Всем своим видом она показывала, что не одобряет поведение Луиджи и что эта склока не имеет к ней ни малейшего отношения. В их троице по-прежнему царил мир. Она не обращала никакого внимания на Кармен, которой, должно быть, совсем не хотелось ужинать с ней после произошедшего. В этом смысле она всегда вела себя бесцеремонно, пристраивалась к их парочке когда хотела, совершенно не заботясь о том, что им это может быть неудобно; в конце концов, у мужа и жены могли быть свои планы, особый вечер или какой-то разговор, где третий будет лишним. Я и раньше удивлялся, как Кармен это терпела, вот и сейчас, несмотря на ссору, она молчала, позволяя Анастасии устроиться с ними, как ни в чем ни бывало, угощаться ужином, шутить, смеяться, словом, наслаждаться жизнью.

Мой скромный вклад в поддержку Луиджи стал приносить плоды. Вернулись наши душевные беседы, а с ними и облегчение, которое мы оба испытывали оттого, что все снова встало на свои места. Мы почти не говорили о том, что мучило его, да и что тут скажешь – ясно было, что он страдает и считает часы до отъезда. Обычно он приходил ко мне с зеленым лицом и валялся в кресло; я ни о чем не расспрашивал, мы пили кофе, говорили о жизни, и он потихоньку оттаивал. Бывали минуты, когда ему легчало настолько, что он махал рукой и говорил – бог с этим всем, если она счастлива, пускай развлечется немного, что в этом такого? – имея в виду жену. Но это лишь до очередного приступа. При следующей встрече я снова видел, что у него желваки ходят ходуном и глаза горят от бессильной злобы.

Я, как мог, отвлекал его от мучительных мыслей. За эти дни мы действительно сблизись – то ли из-за полного отсутствия каких-либо событий, то ли оттого, что мы с ним и впрямь поладили с самого начала. Мне нравилось разговаривать с ним. Я имею привычку вести записи, где подмечаю все, что мне кажется интересным и могло бы пригодиться для будущих романов, и часто просил Луиджи рассказать о себе. Его жизнь была полна неординарных событий. Начать с того, что он воспитывался монахами в мужском монастыре и до шестнадцати лет, когда он стал жить в семье дяди, не знал, что такое родительский дом. Уже будучи тридцатилетним, он решил разыскать отца и нашел его на соседней улице, в двух шагах от дядиного дома – Томазо, владелец захудалого барчика, куда он подростком бегал с друзьями просадить мелочь в игровых автоматах, и был его отец. Эта новость, по его словам, не оглушила его и не ранила. И совсем не нарушила привычного хода жизни. Никто не пускал слезу и не бил себя в грудь с криками «теперь мы семья». Слова «отец» и «сын» по-прежнему не произносились. Томазо был для Луиджи все тем же Томазо, и он оставался для отца сорванцом по прозвищу Джи-Джи.

Из этих событий Луиджи делал свои выводы, к тому же, умел подать их весело и с умом, опуская ненужные детали. Вообще, у него было все, что, по моему мнению, должно быть у хорошего рассказчика – любопытные истории, в которых он так или иначе участвовал сам, объективность в отношении других, отменное чувство юмора. Жаль только, что нынешние обстоятельства выбивали его из колеи, иначе я узнал бы от него намного больше. Все его мысли сейчас вертелись вокруг жены, и как я ни старался вырвать его из пучины переживаний, разговор у него то и дело кренился в сторону того, как жить с молодой женой. Он и сам из-за этого раздражался, но поделать ничего не мог – присущая ему дисциплина ума, всегда державшая в порядке его мысли, тут не помогала.

Сам он тоже проявлял живой интерес к моей работе. Он жалел о том, что за всю жизнь не приобрел любви к какому-нибудь творческому занятию, и всей душой восхищался теми, кто умел творить. Особенно с возрастом это становится человеку необходимым, говорил он и настоятельно советовал мне не бросать писать. Один из самых близких его товарищей, друг детства, был художником, не слишком удачливым, как я понял, но Луиджи рассказывал о нем почти с благоговением. Он не мог разгадать секрет, как тот не уставал неделями стоять у холста, не соблазняясь ни отдыхом с друзьями, ни поездкой к морю. Я напоминал ему этого друга. Он спрашивал, не надоедает ли мне писать, откуда я беру сюжеты и есть ли в моих романах реальные люди или я придумываю их сам. Я сказал, что пишу как есть, придерживаясь, главным образом, той последовательности чувств и событий, которую наблюдаю в жизни, иначе получилась бы неправда. Я убежден, что в жизни, как в физике, есть свои законы. Если ты подкидываешь яблоко, то оно падает вниз. А если яблоко взмывает в воздух как птица, крутится-вертится и в конце книги непонятно каким образом ложится герою прямо в карман, значит, писатель где-то ошибся. Этим часто грешат писательницы, иногда они насочиняют такого, чего в жизни никак не может произойти, особенно, когда дело касается развязки. На мой взгляд, нет ничего хуже для читателя, чем, дойдя до конца, понять, что все было обманом: при таких исходных данных никак не может случиться такого финала, а если уж писатель настаивает, то такой финал потребовал бы от героев куда более существенных изменений и характера, и мировоззрения, и жизненных обстоятельств. По-моему, нет большего разочарования от книги, чем вывод о том, что писатель и сам ничего не понял, и читателю мозги запудрил.

– Значит, я тоже когда-нибудь могу оказаться в твоей книге? – предположил Луиджи.

– Вполне.

– Мне нравится эта идея. И ты напишешь обо мне все, как есть?

– Ну да.

Он задумался, с истинно итальянским самолюбованием прикидывая, как он будет смотреться в моей будущей книге. Вероятно, что-то его смутило, потому что, подумав, он попросил:

– Знаешь, давай только договоримся, что в книге ты дашь мне другое имя. Согласен?

Я возвращался с обеда, когда кто-то схватил меня за рукав и потянул за собой. Это был Николя. С глазами побитой собаки он умолял меня поговорить с ним. Мы зашли за угол, там никто не мог нас увидеть, но говорил он все равно вполголоса.

– Пожалуйста, поговорите с Луиджи! Пусть он скажет жене, что б она от меня отстала!

– Это еще что значит?

Итак, вести из другого лагеря были такие: Николя попал под перекрестный огонь двух женщин, жена требовала немедленно уехать и организовать ей новый отпуск взамен испорченного, а Анастасия не давала и шагу ступить, преследовала его, настаивала на ежедневных свиданиях, не считаясь ни с его женой, ни с его планами, и грозилась рассказать обо всем Кармен, если он вздумает пойти на попятную.

– Я не знаю, как от нее отделаться, – прошептал он. – Представляете, она по ночам пишет письма, потом подсовывает их мне под дверь. Караулит меня повсюду. Я уже из номера выйти боюсь, она везде меня поджидает...

– О чем же ты раньше думал? – вырвалось у меня.

– Что мне делать?

– Что тут делать, бери жену и уезжай. Завтра утром и уезжайте. Чего ты ждешь?

Николя почесал затылок:

– Да я тоже думал об этом, но...

– Что?

– Дороговато как-то выходит. А оставшиеся дни кто мне компенсирует? Еще четыре полных дня все-таки...

Так вот в чем дело. Николя всегда был прижимист. Каждый раз, когда он видел, как я или Луиджи даем чаевые официанту, он принимался убеждать нас, что это лишнее, дескать, им и так здесь кроме нас некого обслуживать; я попытался объяснить, что как раз сейчас наши чаевые дороже всего, но понял, что все бесполезно. Николя был из тех туристов, что требуют всего, что причитается, до последней капли. Если написано, что полотенца у бассейна выдают с восьми утра, значит, в восемь ноль-ноль он будет стоять у окошка и стучать ногтем по стеклу. Если сказано, что мороженое подают с пяти до шести, то без двух минут шесть он придет за очередной порцией, заставит распаковать уже убранный контейнер и будет тыкать пальцем в часы и с пеной у рта доказывать, что имеет полное право получить свою долю. Сейчас я вдруг понял, что и роман с Анастасией у него закрутился лишь потому, что не предполагал никаких затрат – ни цветов, ни подарков, ни ресторанов. Конечно, он не был в нее влюблен – просто не мог отказаться от того, что само шло в руки. Она была для него такой же частью приятного отдыха, как мороженое с вишней или именное пирожное-бисквит – можно и без него обойтись, но отчего же не слопать, раз дают? За всем, что он делал, стояла обыкновенная жадность. Что за человек! Я ничего больше не сказал ему, развернулся и ушел.

Всю ночь я ворочался с боку на бок и уснул только под утро. Когда прозвенел будильник, я остался в постели и провалялся до самого завтрака, но все равно не выспался. На душе было нехорошо, меня одолевало что-то вроде смутного предчувствия. И точно: спустившись на завтрак, я увидел Луиджи с Розочкой, он выглядел не лучше моего и рассказал, что произошло ночью. Оказывается, накануне, поздно вечером Николя стало плохо, ему вызвали врача, а потом на отельной машине повезли в больницу. И Кармен, и Анастасия – обе не захотели остаться в стороне и поехали с ним. Женщин в больницу не пустили, они вернулись в отель и вдвоем начали уговаривать Луиджи, чтобы к Николя поехал он.

– Чтобы я поехал к нему в больницу. Я, ты представляешь? – восклицал он. – Совсем с ума сошли. Да пусть он хоть концы отдаст в этой своей больнице! Я ни за что туда не поеду!

Она еще меня называет бесчувственным. Видите ли, я должен забыть о своих обидах и помочь человеку в такую минуту. Да она хоть понимает, что я чувствую? Клянусь тебе, я только рад буду, если он в этой больнице и останется. Так мы хоть отдохнем от него пару дней. И спокойно уедем. Да и чем я ему помогу? Там врачи. Пусть лечат...

Затем они собрались разбудить меня, но он им не дал. Сказал, что нечего мне делать в больнице посреди ночи, пусть ждут до утра.

– Так что готовься, сейчас они вдвоем на тебя набросятся, будут просить, чтобы поехал ты. Вот скажи мне одну вещь, как от одного человека может быть сразу столько проблем, а?

И правда, подумал я, черт бы побрал этого Николя, от него одни неприятности. Теперь я должен буду вызволять его из больницы. По-человечески, конечно, надо ехать, но внутренне, уж не знаю почему, мне совсем не хотелось. Я и так чувствовал себя разбитым, мои планы нарушились с самого утра, а теперь и днем поработать не удастся. Я представил, как трудно будет договориться о чем-то в больнице – арабы, конечно, попросят денег, Николя, как всегда, не захочет платить, а я останусь крайним. С этими невеселыми мыслями мы приступили к завтраку, но не успели и по пол-омлета проглотить, как в дверях показалась Анастасия.

– Мамочка! – крикнула Розочка, но та ее не заметила. Когда она подошла к нам, я увидел, что лицо у нее белое как бумага, а глаза смотрят ничего не видящим взглядом. Видно, она порядком переволновалась из-за этого дураля. Похоже, всю ночь не спала. Я тут же решил про себя, что соглашусь съездить в больницу – в конце концов, не посылать же туда Луиджи – но только один раз, на этом все, пусть больше на меня не рассчитывают. Она села на стул и, глядя куда-то вперед, мимо всех нас, мертвенным голосом произнесла:

– Коля умер.

– Что? – не понял я. – Николя? Умер? Когда? Кто вам это сказал?

– Да что случилось-то? – ничего не понимал Луиджи.

Она посмотрела на мужа и разразилась рыданиями:

– E morto, é morto...

Нам только и удалось узнать от нее, что минуту назад звонили из больницы и сказали что мужчина, которого привезли из нашего отеля ночью, умер. Луиджи попытался обнять ее за плечи, но она вырвалась из его рук, вскочила с места и, шатаясь, пошла на улицу.

Некоторое время мы с Луиджи сидели и молча глазели друг на друга, переваривая то, что слышали. Ничего не подозревающий официант принес нам чаю и заметил, что погода сегодня отличная и ветра почти нет. У Луиджи так тряслись руки, что он не мог ухватиться за чайник, и я сам налил чай нам обоим. Он отпил глоток, еле донес чашку до стола и откинулся на стуле. С лица у него схлынула кровь. Я подумал, что у него прихватило сердце, и собрался бежать в аптеку за какими-нибудь каплями, но он покачал головой и сказал – давай лучше виски. Мы выпили.

Новость оказалась до такой степени неожиданной, что я никак не мог ее осмыслить, мне не было ни горько, ни грустно, я не чувствовал ничего.

– Вот ведь как бывает, боялись террористов, а умер он от желудка, – зачем-то сказал я. Луиджи рассеянно кивнул, кажется, и он сейчас плохо соображал. Завтрак на том закончился. Кусок в горло не шел, и мы, оставив все как есть, пошли в холл, попытаться что-то разузнать. И это нам не удалось: сказали, надо ждать, пока позвонят и распорядятся, что делать. Нас всех просили не расходиться – уже вызвали полицию, и вот-вот должен был подъехать инспектор.

Мы сели ждать. В холле мы встретили Кармен, она была такая же как всегда, ни о чем нас не спросила и ни с кем не разговаривала, наверно, еще не могла поверить в смерть мужа. Вскоре откуда-то со стороны пляжа пришла и Анастасия. Увидев Кармен, она набросилась на нее:

– Это ты, да? Ну признайся, это все ты! Ты отравила его! Ты никогда его не любила! А он... Он был такой наивный! Он думал, ты любишь его, а ты его использовала с самого начала!.. И сколько еще ты собиралась обманывать его?.. – Ее обуяла истерика. Она говорила

бог знает что, заламывала руки, из глаз ее катились слезы, и я подумал, что это выглядело довольно странно – не могла же она и впрямь влюбиться в Николая, чтобы теперь так по нему убиваться. Скорее всего, его смерть заставила ее дать волю чувствам, и похоже, горевала она не о нем, а о себе, о своей неудачливой семейной жизни и о мимолетном счастье, оборвавшимся так внезапно. Кармен, надо отдать ей должное, не проронила ни звука в ответ на эти обвинения, только отвернулась и пошла к себе в номер. Анастасия кинулась за ней, но кто-то из менеджеров перехватил ее и усадил в кресло, ей принесли воды. Из дальней части холла подошел Луиджи, до сих пор не пытавшийся хоть как-то урезонить жену:

– E adesso basta! – вдруг скомандовал он, глядя на нее сверху. От неожиданности она перестала рыдать, и я услышал, как таким же приказным тоном он велел ей прекратить истерику, пойти в номер и привести себя в порядок. Шутки кончились, сказал он, сейчас здесь будет полиция, начнутся допросы, она должна взять себя в руки и вести себя по-взрослому, если хочет, чтобы все поскорее закончилось и они вернулись домой. Послушно, как будто загипнотизированная его словами, она поднялась с кресла и направилась в сторону лифтов, а он, проводив ее взглядом, вернулся к своему месту у дальнего окна.

Я никогда не думал, что Луиджи может разговаривать с ней в таком тоне, и никогда не видел его таким, каким он был сейчас. Придя в себя после первого шока за завтраком, он весь собрался, подтянулся, выпрямился, сосредоточился. Глаза у него горели, ясно было, что внутри себя он что-то лихорадочно обдумывал. Теперь-то я вспомнил, что он военный человек и не такого повидал в своей жизни – выдержки ему не занимать. Достав телефон, он стал кому-то звонить, и, насколько позволял мой итальянский, я понял, что он связывался с дипломатическими службами. Говорил он коротко, по-деловому, словно в один миг переместился из отпуска на службу. Со мной он сейчас не общался и вообще держался отдельно от всех, встал поодаль у окна и стоял там навтыжку, готовый ко всему.

Мы с Розочкой сидели на диване. Удивительное существо – видя, что родителям сейчас не до нее, она выбрала самого свободного, меня, и тихонько возилась рядом, играя со своей плюшевой куклой. Меня охватывали самые разные мысли. Как и Луиджи, я подумал о том, что сейчас появится инспектор и будет опрашивать всех нас, выяснять, как все случилось. Когда-то, много дней назад, я как раз размышлял о том, что здесь сложились все условия для какого-нибудь неприятного происшествия, и вот тебе, пожалуйста, у нас вышел настоящий детектив: Николай ни с того, ни с сего умер, а у оставшихся был мотив желать ему смерти. Пожалуй, ко вчерашнему вечеру такой мотив был чуть не у каждого из нас. И возможность тоже – отель-то совсем пустой. Я жалел о вчерашнем разговоре с ним. Может быть, он чувствовал, что попал в беду, и просил о помощи, пусть неуклюже, в своей обычной расхлябанной манере, а я был слишком зол, чтобы поговорить с ним спокойно и все-таки убедить его уехать. Вчера, когда он стоял передо мной живой и здоровый, я посчитал, что еще был с ним чересчур мягок, а сейчас, зная, что его больше нет, мысленно похвалил себя за то, что сдержался и не наговорил всего, что вертелось у меня на языке. В холл подтянулись менеджеры, работники отеля, какие-то служащие, которых я до сих не встречал, вероятно, вызванные сюда по случаю экстренного происшествия – всего человек двадцать. Они стояли группами и переговаривались между собой, поглядывая то на Луиджи, то на меня, видимо, персонал тоже готовился давать показания. Тут я понял, что в отеле наверняка знали о романе Анастасии и Николая. Такие слухи разносятся быстро, а Николай был не из тех, кто умел шифроваться, и раз уж я застукал их дважды, то отельные и подавно видели их не раз. К тому же, они брали ключи от дополнительного номера, да и потасовка с разбитым стаканом у всех на виду вряд ли была забыта. Скрыть тот факт, что между ними была связь, не удастся. Значит, первым попадет под подозрение Луиджи. Да уж, положение у него самое непрочное: ревнивый муж, юная жена, доказанный факт измены с молодым и симпатичным соотечественником – как он собирается из этого выкручиваться? Я глянул на него, он по-прежнему стоял на ногах, так ни разу и не присев за это время, вид у

него был собранный и уверенный. В очередной раз у него зазвонил телефон, и он снова стал переговариваться о чем-то. Я услышал, как он диктовал кому-то название клиники, в которую увезли вчера Николая, кажется, он договаривался на счет вскрытия, то ли, чтобы оно обязательно было сделано, то ли наоборот. А он молодец, подумал я, сходу оценил ситуацию и уже принял меры. Да уж, Луиджи был гораздо опытней меня в таких делах и не нуждался в моей помощи. Пожалуй, единственное, чем я мог бы помочь ему, это не рассказывать никому о том, что он был в курсе романа своей жены. У меня не было сомнений, что в данном случае для него лучше было бы выглядеть обманутым мужем, чем человеком, знавшим обо всем с самого начала. Одна только проблема – мои слова вряд ли подтвердятся. Что Анастасия, что Кармен, обе станут говорить все, что вздумается. В нынешнем состоянии уговаривать их придерживаться общей версии бесполезно.

Оказалось, Луиджи и тут меня опередил. Пока я сидел в раздумьях, он подошел к нам, взял на руки Розочку и громко спросил ее, хочет ли она клубничный коктейль, а мне сказал вполголоса – «через пять минут в нашем баре». Я понял, что он хочет переговорить со мной так, чтобы не привлекать внимания. В баре он заговорил торопливо, без всяких вступлений и таким бесстрастным голосом, что я даже опешил:

– Скажешь, что я ничего не знал о Николае и моей жене. Ты догадывался, что у них роман, а я один ничего не замечал. Это ясно?

Я хотел высказать свою мысль, но он осадил меня, не дав даже начать:

– В этих краях никого не волнует мнение женщин. Они опросят их для порядка, но полагаться на их слова не будут. Значение будет иметь только мнение мужчин. Скажешь, что я не знал об их романе. Больше от тебя ничего не нужно. Так да или нет?

Меня снова неприятно резанул его тон, который я мог оправдать разве что ситуацией, в которой он оказался. Я, конечно, обещал.

На обратном пути меня догнал менеджер, один из тех, с кем мы всегда перекидывались парой слов при встрече, и попросил привести Кармен, мол, он отправил за ней помощника, но «мадам» заперлась в номере и никому не открывает. Я поднялся на лифте, постучал и назвалсся, дверь тут же распахнулась. Меньше всего Кармен походила на убитую горем жену. Глаза у нее были сухие, как будто она и не думала плакать, на кровати возвышалась куча вываленной из шкафов одежды, лежал открытый чемодан. Мне бросились в глаза две пары мужских ботинок, стоявших здесь же, у меня под ногами. Глядя на них, я почему-то вдруг стал понимать, что Николай умер. Приехал в отпуск с женой и умер. Остались только эти ботинки.

– Что, пришли меня утешать? – прервала мои мысли Кармен. – Думали, я тут вены себе режу от горя? Зря надеялись. Она права, я никогда его не любила. Я прекрасно знала, что они спят. Просто я не ревновала его. Мне было все равно. Я хотела, чтобы все узнали об этом. Знаете почему? Потому что за это он купил бы мне шубу! Вот так! Что, не ожидали? Так что не лезьте ко мне! Оставьте меня в покое!..

– Вас ждут внизу. Возьмите паспорт. И... его документы тоже.

Спустившись вниз, я увидел, что людей в холле стало еще больше. Пришли официанты и уборщики номеров, кое-кто из постояльцев-поляков, появились представители турагентств, да и просто любопытствующие из тех, кто находился в этот час в отеле. Завидев меня издали, ко мне подбежал повар, он был напуган, хотя и обратился ко мне с обычным угодливым выражением лица:

– Вы, конечно, знаете, что мы делаем все от нас зависящее, чтобы наши дорогие гости чувствовали себя превосходно, невзирая на известные трудности, – начал он по-восточному издали. Суть его просьбы сводилась к тому, чтобы при разговоре с инспектором я выступил на его стороне и подтвердил, что к кухне никаких жалоб не имею. – Понимаете, я головой отвечаю за кухню. И мистер Николай никоим образом не мог отравиться на нашей кухне. Я гарантирую, что с продуктами у нас полный порядок.

– Почему вы думаете, что он отравился?

– Врач мне сказал. Я уверен, все дело в том, что мистер Николя перебрал с алкоголем. Он изрядно выпил вчера в баре. Мои ребята видели, что он на ногах стоять не мог, когда они закончили. А ведь они до двух ночи тут сидели.

– С кем сидели?

– Как с кем? С вашим другом, итальянцем, мистером Луиджи.

Пронзившая меня догадка за доли секунды превратилась в уверенность, как будто где-то глубоко внутри я и до этого допускал мысль о том, что Луиджи приложил руку к смерти Николя, но не осмеливался думать об этом всерьез. Если бы мы меня спросили, мог ли Луиджи убить человека, я бы ответил, что да. Мог ли он отравить Николя – мог, если бы только это играло ему на руку, а это было не так. Думаю, он не собирался его убивать, а хотел отправить на пару дней в больницу, таким образом ему удалось бы избавиться от него на оставшееся время. Конечно, он заранее знал, что в больницу жену не пустят, расчет был на то, что она погрузит здесь немного, а потом уедет домой и обо всем забудет. Вероятно, он посчитал, что другого способа прекратить эту, ставшую невыносимой для него связь, нет. Но в больнице что-то пошло не так, возможно, ошиблись врачи, или у Николя были какие-то неполадки со здоровьем. Теперь мне было ясно, почему Луиджи сам на себя не похож. Почему он побледнел как полотно, когда узнал, что отправил Николя на тот свет. Почему поднял свои дипломатические связи. И почему не дал будить меня ночью – чтобы я не заметил чего-нибудь такого, чего знать не следовало.

Я вспомнил, как много раз он в открытую признавался в том, как сильно ненавидит Николя и как хочет растерзать его. У меня и сейчас не возникло никаких сомнений на этот счет – он был искренен и говорил это лишь потому, что и сам был уверен: все это только слова, которые он и не думал претворять в жизнь. Не было у него никаких коварных планов, и ничего он не просчитывал заранее. Он скорее ударил бы Николя, и давно бы уже сделал это, если бы не знал, что тогда навечно станет врагом для своей жены. Вероятно, вчера, в очередной раз доведенный до отчаяния, он вдруг нашел способ вывести соперника из игры; ему и нужно-то было выиграть для себя всего четыре дня. Напоить Николя труда не составляло: приглашение выпить за чужой счет он, конечно, воспринял как очередной подарок судьбы и не увидел в этом никакого подвоха. Я невольно нашел глазами Луиджи. Он почувствовал мой взгляд, обернулся и посмотрел прямо на меня. По его лицу я понял, что, к сожалению, я, кажется, не ошибся. Видимо, он прочитал это в моем взгляде, потому что вдруг сорвался с места и двинулся на меня быстрыми шагами:

– Черт возьми, не смотри на меня так! Мне и так сейчас хуже некуда, неужели ты не можешь меня понять?..

В холле началось какое-то движение. Я увидел, как во двор въехала полицейская машина, за ней два военных джипа, и еще два – вероятно, из-за теракта они повсюду ездили группами. Показались люди в форме, сразу заполонившие собой всю площадку перед отелем. Не успели мы и глазом моргнуть, как суровые ребята с автоматами в руках, лязгая и грохоча, внедрились в холл, невольно заставив всех отшатнуться и вжаться в стены. Настрой у них был такой, что я подумал, сейчас уложат нас всех на пол. Менеджер, перепугавшийся не меньше нашего, дрожащим голосом просил всех посторониться, дабы освободить путь инспектору, которого пока еще было не различить среди одинаково одетых людей. Вдруг все остановилось. Военные, по чьей-то команде, один за другим развернулись в сторону раскрытых ворот. Взгляды остальных потянулись за ними. Повисла тишина, опасная и неизвестная. Снялись с предохранителей автоматы. Начнут стрелять – и не знаешь, бежать или ложиться на пол. И тут тишину пронзила нежная птичья трель. Толпа ахнула и придвинулась к дверям. Кто-то упал на четвереньки и стал читать молитвы. Я привстал. По дороге по направлению к нам шел человек. Ветер развеивал его белые одежды. На фоне пустынного пейзажа картина вырисовывалась прямо-таки биб-

лейская, не хватало только посоха и нимба над головой. Человек приближался. Теперь стало понятно, что он идет по пыльной дороге босой, кутаясь в белую тряпку, которая так и норовит с него сползти, и он придерживает ее обеими руками. Даже отсюда мне было слышно, как он чертыхается. Это был Николя собственной персоной.

Луиджи, стоящий где-то неподалеку, выругался сквозь зубы. Я поискал глазами Кармен, она стояла, не шевелясь, одна, в стороне от всех, лицо у нее было такое, как будто она только что получила неприятное известие.

Первой опомнилась Анастасия.

– Коля! Коля, я здесь!! – кинулась она навстречу ему, но и двух шагов не сделала, как повалилась без чувств. Толпа бросилась к ней. Ее подняли и понесли на диваны, кто-то побежал за врачом.

Николя зашел в холл, спокойно пройдя сквозь расступившуюся перед ним, ошарашенную толпу, и оглядел всех со своей обычной глуповатой улыбкой:

– А что у вас тут происходит? Я что-то пропустил? Опять какое-то ЧП? Эвакуация? Вот это, я понимаю, отпуск! Ей-богу, я в жизни так не отдыхал! Будет, что вспомнить...

Он подошел ко мне. Я смотрел на него и все еще не верил своим глазам.

– Долго жить будешь. Меня тебя тут похоронили. Не слушая, он принялся за свое:

– Вот сволочи! Лечить меня хотели. Знаю я их лечение! Еще и двери все заперли. Пришлось через окно лезть. Одежду всю забрали, я вон, в одной простыне сколько километров протопал! Все ступни себе разодрал. Хорошо еще, бедуин на мопеде меня до дороги докинул...

Во дворе взревели моторы – разъезжались военные. Менеджер призвал всех расходиться. Служащие, перешептываясь, побрели на свои рабочие места. Не прошло и часа, как все вернулось на круги своя, как будто ничего и не случилось.

Я сделал то, что дважды так искренне советовал другим: собрал вещи, взял такси до Шарм-эль-Шейха и купил билет на ближайший рейс в Москву. Провожать меня вышел только Луиджи. Я протянул ему руку, но он обнял меня крепко, совсем как в тот раз, после нашего разговора. Когда я уже сидел в такси, он наклонился ко мне и сказал:

– Слушай, я тут подумал. Когда будешь писать про меня, оставь как есть. Пусть в твоей книге меня будут звать Луиджи.

Знатоки человеческих душ

- Ой!
- Хей! Не подглядывай!
- Я не подглядываю!
- Подглядываешь!
- Куда мы идем?
- Увидишь!
- Долго еще?
- Сейчас, сейчас. Та-а-к, поворачиваем.
- Куда? Ой!
- Сори! Идем, идем, идем... Еще чуть-чуть... Окей. Почти пришли...

Я оторвал голову от полотенца и посмотрел в сторону бассейна, хотя и без того знал, кто там. Эту парочку знали в отеле все – всегда вдвоем, всегда в обнимку, скачут, хохочут, балуются как дети и как будто нарочно демонстрируют всем свое счастье. Они приехали в отель всего два дня назад, но я уже начал забывать о тихих деньках, которыми наслаждался здесь до их появления. Бабушки и дедушки из европейских стран, заполнившие отель тапочками, палочками, трясущимися руками и громкими запахами духов и лекарств, смотрели на них с умилением – то ли вспоминали о молодых годах, то ли просто улыбались из вежливости, черт их разберет. А других постояльцев в это время года и не было.

На фоне почтенных лиц эти двое казались особенно резвыми и живыми, хотя были не так уж и молоды, во всяком случае, он. Я как-то поднимался с ним в лифте и имел счастье рассмотреть его вблизи – не оттого, конечно, что мне не терпелось установить его истинный возраст, а из-за бабушек и дедушек, останавливавших нас на каждом шагу и покидавших лифт со скоростью улиток; прошла целая вечность, прежде чем мы добрались до четвертого этажа, где, как оказалось, мы оба поселились. На вид ему было не меньше пятидесяти, последние пегие волоски, казалось, вот-вот облетят с его головы, лицо из последних сил удерживало остатки свежести, но видно было, что рубеж пройден и лучшие времена остались позади. При ней он павлином ходил, но стоило ему остаться в одиночестве, как плечи у него опадали, взгляд тяжелеел в хмурых складках морщин, и, застав его в такую минуту, невозможно было не подумать о том, до чего он устал от жизни. Он принял меня за иностранца и в лифте заговорил со мной на английском – да на каком! – и двух фраз хватило, чтобы понять, что передо мной человек, живущий за рубежом или, по крайней мере, привыкший там бывать. Я сразу сказал ему об этом, и он ответил, что да, я прав, он живет на две страны – дела. Какую страну он имеет в виду, он не уточнял и вообще как-то насторожился. По его лицу я понял, что он не ожидал встретить здесь русского, и ему это не понравилось.

– Не волнуйтесь, я не собираюсь пристраиваться к вам за завтраком, – заверил я его, понимая, о чем он подумал. Он поспешил оправдаться:

– Нет-нет, ради бога! Я буду рад.

И спросил, подумав секунду:

– Вы не знаете, здесь есть еще русские?

Я сказал, что встречал лишь одну семейную пару с сыном-подростком.

На четвертом этаже перед тем, как нам разойтись по разным сторонам коридора, он обернулся ко мне и с неестественно бодрой улыбкой, еще раз убедившей меня в его иностранности, произнес:

– Окей, мы как-нибудь выкурим в баре по сигаре, да?

Какие сигары, в каком баре – спрашивал я себя, шагая по коридорному ковру к себе в номер. Курительной комнаты в отеле нет, а в барах курить давно уже запретили. По-моему, он просто хотел отделаться от меня и бросил первое, что пришло в голову.

Как я и думал, курить нам с ним не довелось. Больше мы с ним не разговаривали, а если сталкивались в холле или в ресторане за едой, он сторонился меня и как будто бы не узнавал. Вероятно, он был из тех, кто ненавидит отдыхать среди соотечественников, и предпочитал делать вид, что русских здесь нет. А вот я наоборот, постоянно ощущал его присутствие. Впрочем, как и все в отеле. Вместе со своей подружкой они были повсюду, и повсюду их было слышно. Стоило им появиться на завтраке или на ужине, как из всех уголков залы можно было услышать его громкие шутки и ее смех. Так же они вели себя на пляже, и на аллее вдоль набережной – он беспрестанно тискал ее, хватал за руки и принимался целовать на глазах у всех; то убегал и кричал ей что-то издали, то догонял и валил на песок, то падал перед ней на колени; так же они резвились в бассейне – из пяти красивых голубых водоемов лишь в одном воду нагревали, и купались все только в нем, а эти двое моментально становились центром визгов, брызгов и толкотни, от которой окружающим оставалось разве что вздохнуть и ретироваться. Я мог обойтись без бассейна, и шумное выражение чувств поначалу мне не слишком досаждало, но все же и я почувствовал на себе последствия их прибытия в первый же вечер. В тот раз я заказал столик в «Бланко», стоящим поодаль от той общей залы, где мы все обычно ужинали, но моим планам не суждено было сбыться, накануне назначенного времени мне позвонили и с длинными извинениями попросили перенести ужин на другой день. Прогуливаясь после вечернего чая, я случайно узнал о причине моего не сложившегося ужина – сквозь распахнутые на мгновение двери, из которых вылетел с подносом официант, я увидел, что внутри в полумраке среди горящих свечей накрыт единственный стол, за которым сидели эти двое. Он старается произвести на нее впечатление, понял я.

Вот и сейчас он вел ее между бассейнами, одной рукой прижимая к себе, а другой прикрывая ей глаза. Бог знает, почему он решил идти не в обход по дорожке, а прямо здесь, поперек отдыхающих – добрая половина отеля лежала в этот час у бассейнов, принимая солнечные ванны. Они протискивались между лежаками с чьими-то ногами, шляпами, коктейлями, журналами и кремами, попутно что-то роняли, она визжала, ничего не видя перед собой, наступала ему на ноги, хихикала и спотыкалась, он кланялся и извинялся за нее перед встречными, которых сам же зачем-то и потревожил, и в этом был весь он – я не мог отделаться от ощущения, что он играет на публику. Он повел ее в сторону уличного лифта и, все еще не давая ей открыть глаза, завел в кабину, которая укатила их вниз. Там был мрачный скалистый тоннель, темный, хоть глаз выколи, а после него, как вспышка фотоаппарата, блестящее солнце и Черный пляж – изюминка и главное богатство отеля. Солнце собиралось садиться, самое время встречать закат на берегу, я и сам спускался туда каждый вечер, пользуясь тем, что остальные в этот час побегут в номера, чтобы переодеться и войти в ресторан ровно к началу ужина. Только я подумал об этом, как около лифта засуетились. Подкатили тележки с посудой, с едой, погрузили в кабину, а у лифта выставили ограждение. И я понял, что сегодня лишился Черного пляжа – как пить дать, парень забронировал его для очередного романтического жеста.

Он чем-то напоминал мне одного человека, которого я ни разу в глаза не видел, но был наслышан о нем от моего хорошего друга Макса – вот уже два года, как тот был его шефом. Знаменит он был тем, что умел уговорить работать на себя любого нужного ему специалиста, если этот специалист – дама. Причем, работать за смешные деньги. Каким-то образом он умудрялся сделать так, что дама соглашалась работать на него, имея на руках предложения гораздо более выигрышные. И действительно работала, землю носом рыла, все вокруг только диву давались. Как говорил Макс, весь фокус был в том, что с самого начала он давал понять, что равнодушен к ней и что ее ждут перспективы не только карьерного полета.

Каждый раз он заводил одну и ту же песню о том, что документы уже поданы на развод и что если бы не сложные американские законы, он давно уже был бы свободен и сделал бы ее хозяйкой всей своей жизни. Вдохновленная его речами сотрудница творила для него чудеса – и на работе, и, как сплетничали, в спальне. Когда мы собирались мужской компанией, без жен, не обходилось без того, чтобы кто-нибудь не спросил Макса о том, как поживает шеф, и время от времени Макс радовал нас свежей порцией новостей – жизнь у шефа была ключом. Он все время находился под угрозой разоблачения и поэтому был вынужден бесконечно выкручиваться из всяких щекотливых ситуаций со своими дамами, но делал это так искусно, с такой находчивостью, что невозможно было им не восхищаться. Сколько раз он разводил их между собой в шаге друг от друга, отправляя на разных лифтах или на соседних такси, сколько раз на ходу обрывал свидание с одной, чтобы успеть примчаться к другой и по пути еще оправдаться перед третьей, и ведь ни разу, черт возьми, не попался! Было дело, он исхитрился преподнести одно и то же дорогостоящее кольцо дважды, сначала одной своей пассии, а затем другой, и, говорили, был чрезвычайно доволен собой из-за удавшейся экономии. А уж какие страсти кипели вокруг него перед 8 марта и Новым годом, на какие выдумки он шел, пытаясь провести обещанную ночь с каждой из них или хотя бы создать у каждой такую иллюзию! Среди нас были такие, кто и с двумя-то женщинами не сумел совладать и за какие-то полгода чуть не отдал богу душу, лавируя между женой и любовницей, а этот виртуоз годами безнаказанно водил за нос нескольких женщин, имея при этом троих детей и жену, которая, к слову, частенько прилетала из своей Америки, чтобы сопровождать мужа на важных мероприятиях, со многими была знакома лично и, судя по всему, ни на секунду не сомневалась в своем благоверном.

Признаюсь, в наших душах теплилась надежда, что справедливость восторжествует и однажды этот мошенник схлопочет по первое число. Мы гадали между собой, как именно это случится. Представляли, как ему попадется наконец неглупая женщина, которая сумеет противостать его чарам и выведет его на чистую воду. Да еще и других его любовниц оповестит, из солидарности. Вот тогда-то, злорадствовали мы, он узнает, что такое женская месть. Особенно мы уповали на интернет, ведь нет на свете девушки, которая не захочет похвастаться перед всеми фотографиями подарков, преподнесенных ей мужчиной. А уж он был мастер пустить пыль в глаза и с помпой обставлял любой свой презент, даже обыкновенный букетик цветов. Но надо отдать ему должное, он предусмотрел и это. Как объяснил нам Макс, каждой пассии он строго-настрого приказывал удалиться из всех соцсетей – дескать, он известная личность и обязан заботиться о своей репутации, человек его уровня не может находиться у всех на виду, и если она хочет составить ему пару, придется соответствовать. Вот, мол, когда с документами на развод все уладится и они поженятся, тогда-то служба по связям с общественностью сама разместит их официальные фотографии где следует и как следует, а пока...

Конечно, он проворачивал свои делишки не один – на него работала служба безопасности. Макс никогда не говорил об этом прямо, но я догадывался, что в ход, наверно, шла и слежка, и прослушка, и прочее, что используется для подобных целей. И хоть ребята ворчали между собой и жаловались на то, что шеф ведет себя слишком рискованно, мол, и двоих женщин хватило бы, чтобы загрузить их работой, – службу свою несли исправно. С такими молодцами он мог спать спокойно. Так что напрасно мы надеялись, разоблачения все не случалось.

В тот вечер мне пришлось довольствоваться прогулкой по набережной, где я и так разминал конечности по нескольку раз в день. Набережная одним концом упиралась в проезжую часть, другим в гору, так что все мы, постояльцы близлежащих отелей, челночками ходили туда-сюда, в который раз встречая на пути одни и те же лица. Каждый раз, проходя мимо ведущей на Черный пляж решетчатой калитки, у которой теперь дежурил охранник, чтобы никто не проник внутрь и не помешал влюбленной парочке наслаждаться уединением, я не мог отделаться от мыслей о нем. Вот проныра, думал я, вчера не дал мне поужинать, сегодня занял

мое место на пляже. В очередной раз проходя мимо, я увидел, как он выскочил из калитки, прижимая к уху телефон.

– Wait, wait, wait! Послушай меня! Остановись, ты можешь остановиться на минуту и послушать меня? Я буду завтра, окей? И ты мне все подробно расскажешь, окей? Конечно. Я же обещал...

Не зря он напоминает мне того типа, подумал я, наверняка так же пудрит мозги своей барышне и крутит какие-то дела у нее за спиной, а иначе зачем прибежал с телефоном сюда? Я поспешил уйти вперед, чтобы не слышать его разговоров, а потом и вовсе решил оставить набережную и направился в бар к Мигелю пропустить стаканчик, надеясь, что хоть там-то я его не увижу.

Весь следующий день я провел в библиотеке, выбегая наружу только чтобы перекусить чем-нибудь в баре. Я заканчивал вычитку рукописи своей новой книги, ради которой и приехал сюда – издатель мой кипятился и напирал на том, чтобы мы отдали книгу в печать сразу после новогодних праздников. Он не хотел терять впустую две недели каникул и зарядил верстальщика, чтобы тот сделал макет в новогодние праздники, меня же он умолял отдать ему рукопись хотя бы тридцатого декабря, в последний полурабочий день уходящего года. Я обещал. Сидеть целыми днями в номере было довольно неудобно, и я облюбовал себе тихую комнатку на первом этаже с пафосной вывеской «библиотека», там стояло несколько рабочих мест и жиденькие стеллажи с книгами, оставленными постояльцами. Я заметил, что тут редко кто появлялся, разве что круглолицый официант из лобби-бара приходил иногда стереть пыль со стеллажей специальной метелкой. Мы с ним быстро подружились, и за чаевые он делал мое времяпровождение здесь намного более приятным – с утра пораньше проветривал комнату, начищал стол, за который я обычно садился, приносил мне из бара кофе и булочки. Прибавить к этому тишину, яркие солнечные окна, всегда открытый ресторан, пополняемый свежими блюдами, и возможность в любой момент выйти к океану, чтобы дать передышку глазам и проветрить мозги – и картина получалась райская. Грех было не воспользоваться такими условиями, я погрузился в работу с головой. В два присеста разобрался с замечаниями издателя, затем взялся за вычитку, одолел большую часть текста за пять дней вместо семи и теперь вознамерился добить оставшееся одним днем, а освободившиеся сутки до моего отъезда посвятить безделью и отдыху, на которые я и не рассчитывал, когда отправлялся сюда.

Мой план удался. Вечером я поставил точку в рукописи, и утром седьмого дня, поднявшись по привычке ни свет ни заря и потрусив туда-сюда по набережной, пошел на завтрак с чувством полного удовлетворения от выполненного долга. Народу в этот час было мало, я сидел на террасе, уплетал яичницу и круассаны и с наслаждением размышлял о том, как проведу день. Погода на острове стояла весенняя, и хотя туристы, я слышал, жаловались на переменчивое солнце, мне это настроения не портило. Все эти дни я не ходил никуда дальше набережной и сейчас решил, что поеду в Лас-Америкас, погуляю среди туристов и, кстати, – хорошо, что вспомнил! – куплю подарков жене и детям. С этой своей книгой я совсем забыл, что до Нового года осталось всего несколько дней. Я представлял, как обрадуется жена, узнав, что я покончил с рукописью и теперь смогу быть с ними все каникулы. А как обрадуется мой издатель, получив манускрипт раньше срока! Я так и видел, как он бросится читать и как обрадуется еще сильнее – я нашел способ включить в текст парочку его идей, с которыми нам пришлось было распрощаться, но еще не говорил ему об этом. Все-таки он молодец, подумал я, это была его идея отправить меня сюда, и она оказалась блестящей.

Я сидел, курил и в мыслях уже принимал поздравления с выходом очередного романа. Перед глазами так и стояла стопка плотных свеженьких книг, пахнущих типографией, я уже держал наготове ручку для автографов и раздавал интервью, в которых вспоминал о том, как начинал писать эту историю, как спорил с издателем, менял героев и трижды переписывал сюжет.

– Доброе утро!

Я оглянулся больше из любопытства, к кому это здесь могли обращаться по-русски? Оказалось, здоровались со мной. Лицо показалось мне знакомым, но я не припоминал, кто это.

– Как ваша книга?

А, вспомнил. Вчера. Она заходила в библиотеку, искала что-нибудь почитать. Я не обратил на нее особого внимания, кажется, она стояла у стеллажей, а потом, так ничего и не найдя, спросила, не одолжу ли я ей на время книгу, лежащую на моем столе, мол, здесь нет ни одной книжки на русском, а от телевизора ее уже тошнит, толстенный роман как раз то, что ей сейчас нужно. Я сказал, что с радостью одолжу, да только вряд ли он ей поможет, так как это не роман, а словарь синонимов. Я думал, она развернется и уйдет, но она взяла словарь и устроилась рядом. Не знаю, сколько она так просидела – когда я оторвался от рукописи, ее уже след простыл. И словаря моего тоже.

Я не расстроился – не так уж он был мне нужен, особенно сейчас, когда я только что закончил работу. Это была скорее привычка, чем необходимость, я таскал его с собой и пролистывал в свободную минуту. Вообще-то я читаю не только словари, но только не в то время, когда пишу сам. Есть писатели, которым, чтобы расписаться, надо читать что-то ободряющее, они обкладываются разными книгами и ищут вдохновения, я же наоборот, как только берусь за книгу, бросаю все и возвращаюсь к чтению только, когда закончу свое. Словарь нужен мне как раз в моменты, когда писать не выходит, а занять мозги чем-то надо.

– Простите, что унесла вчера ваш словарь.

– Ничего страшного.

– Я пыталась спросить вас, но вы были так заняты, что не слышали ничего, и я решила не отвлекать вас. Давайте я схожу за ним, вы еще будете здесь?

– Да бросьте, не надо. Ешьте спокойно.

– Точно?

– Я закончил работу, так что...

– Вам он сейчас не нужен? Значит, я могу оставить его себе на пару дней?

Не думал, что кого-то может заинтересовать мой словарь, неужели здесь настолько тоскливо?

– Пожалуйста. Оставьте хоть насовсем.

– Нет, ну это уж слишком! Я верну его, конечно, просто вчера я весь вечер его листала, и мне пришла в голову одна идея... Я вас не отвлекаю?

Ясно было, что отвлекать меня не от чего, так что я пригласил ее присесть.

– Понимаете, мне очень нужен человек, который сможет хоть немного подтянуть моих оболтусов, заставит их говорить на нормальном русском языке. Я бесконечно борюсь с этими их «клево», «круто», «прикольно», меня страшно раздражает этот современный мусор. Я уже приводила к ним одного специалиста, но безуспешно – они стали выражаться осторожнее при мне, и все. А в остальное время они говорят так же, как раньше, ничего не изменилось...

Я решил, что она говорит о своих детях-школьниках, но выяснилось, что речь идет о ее работе.

– Может быть, у вас есть кто-нибудь на примете, кого вы можете порекомендовать, все-таки вы ближе к этой сфере?

У меня не было никого на примете на этот случай, и вряд ли я мог чем-то помочь.

– Вы считаете, это безнадежная затея, да? Вот и муж так же говорит. Говорит, что я не наигралась в учительницу. Ему главное, чтобы они продавали, а как они при этом разговаривают с клиентами, правильно или с ошибками – какая разница? Но я так не могу. Это же просто безграмотность какая-то! И лицо компании страдает опять же. Ну все, все, не задерживаю вас больше, – она торопливо поднялась со стула, – скажите только, какой ваш номер? Я занесу вам словарь.

Не успела она дойти до своего столика, как на пути ей попался главный по ресторану. Увидев ее, он рассыпался в приветствиях, как это делают перед особо дорогими гостями:

– Доброе утро, сеньора! Вам уже подали ваш кофе? А где же сеньор? Разве он не должен был вернуться сегодня?

– Дела, – ответила она.

– Да, да. Понимаю. Бизнес есть бизнес, правда, сеньора? Ну ничего, будем надеяться, сеньор скоро вернется.

– Он только что звонил мне, сказал, что взял билет на завтра.

– Завтра? Ну вот и прекрасно, сеньора! Мы ждем, ждем!

Тут только я понял, что это, должно быть, та самая парочка – то-то давно их не было слышно. Я никогда не присматривался к ней и толком не знал, как она выглядит, почему-то все мое внимание с первого дня было приковано к нему, и теперь с некоторым удивлением переваривал тот факт, что это и есть его подружка. Судя по всему, парень испарился куда-то под предлогом срочных дел и оставил ее одну. Так это его она называет мужем?

Я снова встретил ее, когда спустился в холл, чтобы ехать в Лас-Америкас. Более того, вышло так, что мы отправились туда вместе. Всему виной менеджер Карлос. Пока я выяснял у отельных, как лучше туда добраться, он, услышав наш разговор, подскочил ко мне и стал уговаривать воспользоваться его машиной – не поедет же наш дорогой писатель на автобусе! Карлос всегда называл меня «наш дорогой писатель» и вообще относился ко мне с каким-то пиететом, я так и не понял почему, то ли писательское ремесло было у них в почете, то ли он набивал себе цену, рассказывая всем вокруг, что в их отеле гостит писатель.

– Для нашего дорогого писателя я распоряжусь подготовить свой мерседес! Мой водитель отвезет вас, куда прикажете. И, кстати, покажет вам хороший магазин – не для туристов. Вот сеньора как раз туда собирается, поедете вместе? Она тоже русская. Сеньора! – позвал он мою знакомую. – Сеньора, вы спрашивали про Лас-Америкас? Не хотите ли поехать вместе с нашим уважаемым писателем? На моем мерседесе? Вам двоим это выйдет совсем недорого. Зато подумайте, как удобно! Никаких такси, никаких автобусов!

На двоих и впрямь выходило так выгодно, что я был не в силах отказаться, уж очень не хотелось переплачивать таксистам или ехать с туристами в автобусе, который в эти дни ходил здесь нечасто. «Сеньора» как будто засомневалась на мгновение, вероятно, не меньше моего удивившись нашей повторной встрече, но когда я сам пригласил ее ехать вместе, обрадовалась и побежала в номер за сумочкой – через пять минут мы уже сидели в машине. Протиснувшись сквозь узкие улочки нашего городишка, мы выбрались к трассе, и тут уж водитель помчал всюю.

Лас-Америкас встречал настоящей курортной жизнью. По сравнению с местечком, где мы жили, здесь было так бурно и так по-летнему живо, что наш отель казался мне теперь пансионатом-лечебницей. На широкой набережной было яблоку негде упасть, тьма народу кочевала между витринами магазинов и верандами ресторанов; и солнце здесь светило жарче, и люди были одеты наряднее, не то, что наши бабушки и дедушки в кофтах до пола и клетчатых плащах – тут повсюду были шелковые юбки, загорелые колени, голые плечи, праздник, молодость и смех. На волне всеобщего веселья я накопил ворох подарков, начиная от сумочки для жены от какого-то местного дизайнера и заканчивая косточкой для нашей собаки – все мне нравилось и все хотелось увезти с собой. Возвращаться в отель не было никакого желания. Я решил, что останусь здесь по крайней мере перекусить, запах горячей еды так и бил в нос – было около двух часов дня, город сел обедать. Заняв свободный кусочек асфальта пакетами с покупками, я ждал свою новую знакомую напротив торгового центра. Хотел отпустить ее домой с нашим водителем, а сам вернуться потом на такси, но когда она появилась, понял, что радостное жужжанье курортной жизни подействовало и на нее. До сих пор сдержанная и деловитая, она подбежала ко мне, ни с того, ни с сего чмокнула в щеку и взбудораженно заговорила:

– Я должна благодарить вас! Вы так вовремя появились! Благодаря вам мне скинули цену в два раза!

– она вынула из сумочки футляр и открыла его передо мной, внутри лежали мужские запонки, насколько я мог судить, с бриллиантами.

– Ну как? Они прекрасны, правда?

Я подтвердил.

– Вы же видели его? Он такой человек... ну вы понимаете, вы же писатель. Банальностей он не приемлет. Я должна была найти что-то особенное. Мне кажется, это то, что нужно. Как вы считаете?

Я снова кивнул, а она не могла сдержать радости:

– Вы не представляете, как я рада! Конечно, я бы все равно их купила, но когда мне предложили полцены, я поняла – они ждали меня! И искать больше ничего не надо!

До этой минуты она не пыталась завязать со мной разговор. Всю дорогу в машине она молча смотрела в окно и заговорила только, когда я спросил ее о чем-то. Я узнал, что она тоже хотела подыскать подарки к Новому году. Как и я, она не выходила из отеля, и только сегодня, когда узнала, что муж не прилетит, решила на поездку. В торговом центре мы сразу разошлись каждый по своим интересам, чтобы не мешать друг другу, и договорились встретиться через два часа. За это время я заметил ее только один раз внутри ювелирного магазина. Она помахала мне, я ответил, но не стал подходить. Оказывается, в ювелирном решили, что я ее муж, и тут же дали большую скидку. Наверно, подумали, что появление на горизонте мужа-скряги спугнет драгоценную покупательницу.

– Ну а вы как? Удачно? – спросила она меня, и я показал на свои пакеты. – Ого! Да у вас, я вижу, немало желающих получить от вас подарки!

Я сказал ей, что решил остаться здесь на обед, и тем самым невольно как будто пригласил и ее остаться тоже. Во всяком случае, она восприняла мои слова именно так и с готовностью согласилась, заявив, что уже изнемогает от голода и от вида всех этих аппетитных блюд вокруг себя. Водитель наш наотрез отказался уезжать без нас, и мы уселись на веранде одного из ресторанов, зная, что можем не беспокоиться на счет обратного пути, он будет нас ждать сколько потребуется. Из обширного меню я выбрал паэлью с морепродуктами – я нацелился на нее, еще когда бродил по магазинам, но оказалось, что ее подают только на двоих. К счастью, моя спутница выручила меня:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.